

Андрей Белоус

Гастроль в мёртвый сезон

16+

Андрей Белоус
Гастроль в мертвый сезон

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Белоус А. К.

Гастроль в мертвый сезон / А. К. Белоус — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5320-9924-1

Когда садишься за один стол с Дьяволом, наивно полагать, что самое главное - просто выбрать ложку побольше. Намного важнее не угодить в его пасть самому. Но даже если ты оказался проглоченным - у тебя есть два выхода. Либо, безвольно сложив руки, смириться с уготованной тебе участью. Либо, выбив зубы, преграждающие путь к свободе, доказать всем, что ты не настолько легкая добыча, как это могло показаться. Только учитывая, что подобная дерзость редко сходит с рук безнаказанно, нужно быть готовым к еще более тяжелым испытаниям.

ISBN 978-5-5320-9924-1

© Белоус А. К., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Пролог

Снова этот грязно-зеленый цвет бетонного пола под ногами. На сотню раз крашенные стены, с казенной плакатной агитацией, изредка заслонявшей их унылый грязно-голубой цвет. И захлестывающая волна тоскливого отчаянья, не позволявшая усомниться в реальности происходящего. Причем я прекрасно знаю, что стоит мне поднять взгляд, как в конце прохода увижу удаляющуюся стариковски-шаркающей походкой сгорбленную фигуру Вожжи. А в голове вновь отзовется данный им совет, столь неожиданно прозвучавший из уст самого авторитетного отрицателя отряда:

– Бери масть, Вага.

Найти косяк за первоходом, только что прибывшим с этапа, для актива задача несложная. После чего в облицованной кафелем умывальной комнате следовал крайне болезненный воспитательный процесс. Попытки пойти в “отмах” приводили в бешенство более многочисленного противника. Поэтому, когда сбитый с ног градом ударов ты оказывался на полу, тебя продолжали бить уже ногами. Что при подобной периодичности и моем отнюдь не богатырском сложении, в ближайшей перспективе неизбежно гарантировало отбитый ливер и опущенные почки.

Малолетка. Обитель проклятых душ на этом свете. Что долгие годы продолжает преследовать в образе жутких кошмаров. Самый беспредельный мир, из всех, что мне довелось видеть в жизни. Здесь царит настолько извращенный свод понятий и обзалонок, что представить что-либо подобное на взрослой зоне попросту невозможно. Чтобы не оказаться перемолотым этой системой, мало быть отморожком, ты обязан стать беспредельщиком, отбросив всякие моральные ограничения.

И теперь передо мной стоял нелегкий выбор – остаться верным блатному кодексу, либо принять красную масть, перейдя на сторону администрации колонии. Вот только времени на раздумья не оставалось. Фигура отрядника появлялась как всегда неожиданно. И его брошенный по сторонам хищный взгляд тут же останавливался на мне. Отвести глаза, отойдя в сторону, означало неизбежное избиение активом в самое ближайшее время. Причем действуя по прямой указке отрядника, никто и заморачиваться не станет искать повод. А значит, принимать решение предстоит именно сейчас, и на кону стоит не только моя дальнейшая судьба, но не исключено, что и сама жизнь.

Этот сон посещал меня не впервые, но, несмотря на осознание его нереальности, вместо облегчения приходит лишь чувство отчаянья от собственного бессилия сбросить его оковы, заставив себя проснуться. Вот и сейчас, частью сознания понимая, что перед моими глазами не более чем давние воспоминания, я продолжал оставаться под его тягостным эмоциональным воздействием.

Глава 1

На улице гороховой – ажиотаж

Урицкий все ЧК вооружает

Все потому что в Питер

В свой гастрольный вояж

С Одессы – мамы урки приезжают

– Хорош харю плющить, подлетаем, – прозвучал недовольный голос Доктора, подкрепленный ощутимым толчком локтем в бок.

После безысходности посетившего кошмара, навалившаяся реальность казалась чудесной сказкой. Ну а неприветливый настрой Доктора становился понятен, стоило взглянуть на его невыспавшуюся физиономию. Значит за все шесть часов полета уснуть ему так и не удалось, в отличие от меня, без особых проблем засыпавшего в любых условиях. Но, ни любоваться на его хмурую мину, ни тем более сочувствовать, в мои планы не входило. Вместо этого я тут же прильнул к иллюминатору.

Признаться честно, раскинувшийся внизу пейзаж мало соответствовал моим ожиданиям. Рассчитывая увидеть бескрайние просторы золотисто-желтых песчаных барханов, я оказался безжалостно обманут. Иссеченный рельеф местности, простиравшийся до самого горизонта, имел тускло-бурый цвет, чем-то схожий с ржавчиной, хотя подобная цветовая гамма пустыни скорее попросту удивила.

Вслед за пробуждением меня все сильнее захватывала волна внутреннего ликования. Оставляя лишь смутное ощущение непонимания, чем оказался вызван посетивший меня кошмар на этот раз. В прошлые его визиты, времена и действительно выдавались непростые, и если подобное мрачное напоминание и не помогало найти выход, то уж само по себе являлось сильнейшим стимулятором.

Самолет заложил крутой вираж, и моему взгляду открылась картина, до этого находившаяся с другого борта. Вид лазурной синевы моря смыл остатки тягостных размышлений, словно открывая двери в волшебный мир, где последующие десять дней мне уж точно не придется принимать никаких глобальных решений.

Да, уж! Вот вам и “Велком ту Эджипт”. На приближающемся по багажному транспортеру “сидоре”, замок был застегнут явно не до конца. Нехорошее предчувствие сразу кольнуло в самое уязвимое место. И по изменившимся контурам, даже не открывая сумку, я без труда определил исчезновение блока сигарет “Русский стиль”.

– Ну, голубообразные, что тут еще скажешь, потому и форма у них такая, – только и смог подумать я о Египетских таможенниках, открыв сидор, и убедившись в факте пропажи, как говорится, воочию. Впрочем, сам виноват, ведь еще в “Кольцово” сообразил, что попутчики заматывают свой багаж в целлофан отнюдь не из эстетических побуждений, но денег на упаковку пожалел. Да и Доктор ни словом не обмолвился, что наши сигареты здесь невиданная роскошь, вот и положил их, чтоб не помялись, на самый верх.

В-общем: Лох – это судьба. Успокаивало лишь то, что осознавая, что предстоит грандиозный бухач, я подстраховался, и сигарет взял с запасом. Ну а так как резерв оказался рассован в свободные места по всей сумке, вскоре я убедился в его сохранности. Ну что же, и даже столь незначительная удача без труда помогла восстановить душевное равновесие. Несмотря на то, что в другой ситуации подобное происшествие неизбежно привело меня в бешенство, после чего последовали грандиозные разборки.

Но омрачать настроение бессмысленным препирательством с администрацией аэропорта не возникало никакого желания, да и перспектив вернуть пропажу мало. Наверняка они все в доле, а доказать, что кража произошла именно здесь, а не в Российском аэропорту, нереально. Да пусть подавятся, подумал я, мысленно махнув рукой, и попросту выкинув этот инцидент из головы. После чего подхватил сидор, и направился к выходу из здания аэропорта.

Стоило покинуть кондиционируемое помещение, как встретившая меня волна зноя смыла последние капли неприятного осадка от случившегося. Нечто подобное я испытывал, пожалуй, только когда гостил у своей бабки в Таджикистане. Создавалось впечатление, что жара не просто атакует со всех сторон, а ее буквально источают все окружающие тебя предметы, в особенности асфальт под ногами. Тот же выбеленный безжалостным солнцем пейзаж, с редкими островками покрытой пылью чахлой зелени. Короче – кайф неимоверный. Особенно если учесть, что хоть по праву рождения я и являюсь сибиряком, при этом абсолютно не переношу холода. И гены бабки Таджички могли являться лучшим тому объяснением.

Так что омрачить мое настроение сейчас было сложно. В Египет, на десять дней, да на пару с проверенным боевым товарищем. До последнего момента казалось, что так не бывает, но не иначе звезды как-то настолько причудливо выстроились, что все ж таки вырвались. Да, пусть подкаблучники, но ведь вырвались, и мало кто может похвастать подобным. Хотя, справедливости ради следует отметить, что из нас двоих официально женат только Доктор. Я же своей

постоянной спутнице категорически заявил, что как и положено реальному пацану, женюсь только по залету. А потому пока имел возможность уклоняться от законных уз брака. Впрочем, это мало что меняло, и еще неизвестно, кому из нас двоих стоило больших трудов приболтать свою благоверную.

Сейчас Доктор довольно жмурился, стоя рядом. Однако по сравнению с моей откровенно бандитской “заточкой” на его подраспывшейся мне улыбка выглядела намного более благодушной. Возможно, вид нашей парочки сам по себе мог вызвать у кого-то усмешку, вот только делать этого почему-то никто не спешил. Высокий, массивный крепыш Доктор, несмотря на гладко выбритый череп, с открытым и добродушным лицом. И я – жилистый, поджарый, с худощавым лицом, что особо подчеркивала поистине арийская форма носа. Который портили разве что последствия перелома в районе переносицы, что неизбежно налагало свой отпечаток на общую картину.

Следуя по цепочке табличек в руках сотрудников турфирмы, мы добрались до своего автобуса. Сдав сумки суетившемуся у багажного отделения водиле, мы с несказанным удовольствием смогли, наконец, закурить. Как-никак шесть часов в воздухе, просто уши пухнут. Да и не скрываемый эмоциональный подъем требовал срочного выхода.

Окинув нас взглядом, словно мы инопланетяне, и вообще находимся в другом измерении, мимо нас проследовала девушка типа небесное дитя.

– А где у вас здесь курить можно? – сдал багаж водителю, поинтересовалась она.

Водила, поняв смысл сказанного, от удивленья даже оторвался от укладывания в багажном отделении ее чемодана.

– Везде! – коротко, но емко ответил он.

Услышав наше дружное ржание у себя за спиной, телка невольно вздрогнула, и высокомерно дернув плечом, отошла от нас подальше и закурила.

Несмотря на то, что за границей я оказался впервые, поездка по городу не впечатлила. Возможно, просто я ожидал чего-то подобного, и благодаря своей родословной, воспринимал происходящее как возвращение к истокам. Тем не менее, новизна ощущений горячила кровь похлеще алкоголя, игнорировать который, мы тоже, отнюдь не собирались.

В первый же вечер, решительно миновав раздаваемый на входе в ресторан рождественский глинтвейн, мы уверенно направились к бару. В качестве приобщения к мировым ценностям Доктор убедил меня освоить культуру употребления текилы. На первый взгляд гадость невероятная, но при правильном потреблении – то есть с лаймом и солью, пьется неожиданно легко. Да и эффект от нее необычный, одно слово – клубный кайф. Ясность мысли сохраняешь до последнего, но настрой сравним с неудержимой эйфорией, взвинчивающей градус эмоционального подъема пропорционально потреблению этого чудодейственного напитка.

Последующие трое суток лучше всего охарактеризовал персонаж из одного культового фильма: “Здесь – помню, здесь – не помню”. Хотя, чему удивляться, если в эти дни тот же утренний выход на пляж развивался по одному сценарию.

Даже в Египте существует такое понятие как “Мертвый сезон”. Январь здесь самый холодный месяц. И если гостю из Сибири замерзнуть на пляже не грозит, то купаться решались далеко не все. Потому после четверти часа пребывания в воде, оставив увлеченного snorkлингом Доктора, закутавшись в полотенце и мелко дрожа, я целеустремленно направлялся к пляжному бару.

Бармен, запомнивший меня с первого посещения, к моменту достижения мной намеченной цели, уже выставлял на стойку мой заказ. И скорей всего дело не в его уникальной памяти. Видимо, даже ему далеко не каждый день доводилось видеть, как залпом выпивается целый стакан водки, после чего ту же участь ожидает отправляющийся следом стакан пива. И каждый раз, выходя из-под тенистой сени бара, всем естеством ощущая, как благодаря совмест-

ным усилиям тропического солнца и принятого коктейля начинает спадать сотрясающий тело озноб, я с запоздалым сожалением отмечал: – А ведь не хотел сегодня с утра напиваться.

Обладая любознательным и непоседливым характером, в качестве ознакомления с местными достопримечательностями в эти дни нами были исследованы все близлежащие окрестности. Обычным экскурсионным маршрутам мы единодушно предпочли колорит Египетских окраин, причем, словно нарочно, выбирались на свои экстремальные прогулки с наступлением темноты, и прилично накидавшись. Ну а уж торговцы в расположенной напротив отеля бесконечной чередой ларьков с всевозможной сувенирной продукцией, начали узнавать нашу парочку в лицо после первых же визитов. И обычно пытаюсь привлечь в свою палатку каждого проходящего мимо иностранца, нам почему-то предпочитали не досаждать.

Вот от одной такой прогулки у меня сохранились, хоть и отрывочные, но наиболее яркие воспоминания. Обычно общение с продавцами вел лингвист и интеллектуал Доктор, но стоило мне сфокусировать взгляд на этом колоритном персонаже, первым в разговор вступил именно я.

– Замерз? – обратился я к невероятно черному даже на фоне своих коллег аборигену, одетому явно не по сезону.

Теплую куртку на синтепоне, в которую он зябко кутался, дополняли столь же неуместные для здешних широт плотные брюки, и тяжелые закрытые ботинки. По сравнению, со мной, одетым лишь в легкую футболку и шорты, контраст выглядел настолько комичным, что обернувшийся на мое замечание Доктор невольно рассмеялся.

– Да, холодно, зима все-таки, – нисколько не смущаясь, ответил мой собеседник практически без акцента. Причем, поражая прекрасным знанием русского языка, продолжил: – У нас солнце низко-низко висит, и так холодно никогда не бывает, –

Вот так и произошло наше знакомство с эфиопом Тито, хозяином экскурсионного агентства “Мо-Мо”, с пребыванием в котором у меня сохранились последние воспоминания о том вечере. Да и сам хозяин оказался личностью неординарной. В отличие от своих соседей по бизнесу, его, похоже, нисколько не смущала наша развязанная манера поведения, и избавиться от нас поскорей, как все прочие, он не спешил. Напротив, пригласив внутрь, всячески поддерживал разговор, причем владея русским языком настолько виртуозно, что припомнить подобное среди местных, мне не удавалось. При этом утверждал, что в России никогда не бывал, несмотря на многократные приглашения обосновавшихся в Петербурге родственников.

– Да я там замерзну, как только из самолета выйду, – зябко вздрагивая, абсолютно искренне возмущался Тито, чем вызывал у нас очередную порцию веселья.

Но стремительность потери связи с реальностью я мог объяснить только экзотическим угощением, которым нас потчевал гостеприимный эфиоп. В памяти сохранились лишь ленивые клубы дыма, плавно опускавшиеся на дно толстостенной стеклянной чаши, покрытой снаружи испариной мелких капель конденсата.

С первых секунд я отчетливо осознал, что пробуждение предстоит кошмарное.

– Вага, вставай, там одного тебя только ждут, – гулко отдавалось внутри отчаянно трещавшей с похмелья головы.

Даже не пытаюсь вникнуть в смысл происходящего, на автомате я попытался лягнуть в район причинявшего дикое неудобство голоса. Но или мои движения оказались недостаточно скоординированными, либо обладатель голоса был прекрасно осведомлен о большой вероятности подобного развития событий. А потому стоившие огромного напряжения усилия оказались потрачены напрасно, и удар провалился в пустоту. В ответ раздалось издевательское ржание Доктора, и окончательно смирившись с мыслью, что, похоже, так просто от меня не отстанут, предприняв отчаянное усилие, я открыл глаза.

Несмотря на густой туман, продолжавший заволакивать сознание, мне довольно быстро удалось въехать в суть происходящего. Оказывается, во время нашего недавнего пребывания у Тито, эта сволочь (имеется в виду Доктор), записал меня на экскурсию в Каир на пирамиды. Конечно, я намеревался предпринять подобный вояж, но предполагал выбрать для этого более благоприятные условия. Да и вообще, ко мне закралось смутное подозрение, что Доктор сделал это преднамеренно. Чтобы отправив меня подальше, самому в тишине и покое хоть немного отдохнуть от нашего несколько подзатянувшегося алкомарафона.

Однако подвергнуть сомнению тот факт, что деньги за экскурсию я заплатил самостоятельно, мне и в голову не приходило. Порой, действуя на автопилоте, я совершал и не такие чудачества. А уплаченная сумма в сто “бакинских”, не позволяла, наплевав на договоренность, попросту завалиться спать дальше.

– Тито сказал подушку с собой взять, автобус будет большой, сможешь выспаться по дороге, – жизнерадостно поторапливал меня Доктор.

Помимо подушки, я предусмотрительно затолкал в сумку пару литровых бутылок воды из холодильника, и в ответ на несколько не удивившегося подобным поворотом событий, обозвав на прощанье Доктора: “демонюга”, обреченно направился на ресепшен.

Несмотря на глубокую ночь, там, словно только меня и ждали. При виде моей хмурой физиономии, ошивавшийся у стойки абориген, чуть ли не подпрыгнув от радости, устремился к выходу, видимо, чтобы поделиться доброй вестью с другими участниками нашего путешествия. Меня на самом ресепшене тормознули, чтобы выдать пакет с сухпаем, раз уж меня не будет на завтраке, обеде, а возможно и ужине.

Хотя, сама мысль о еде вызывала отвращение, подобный уровень не просто сервиса, а практически личного участия невольно подкупал. А потому засунув пакет в сумку к прочим припасам, я направился к выходу.

– Кидалово, и Тито такая же сволочь оказался, – подумал я, увидев транспорт, ожидавший меня в конце спуска с лестницы. Своими контурами без труда позволяя угадать в нем самый обычный микроавтобус “Хайс”.

Замочив рыло в открытую дверь, а иначе при моей помятой физиономии, и разящего от меня похмельного перегара и не скажешь, я немедленно срисовал ситуацию. Ясно, что все мною жутко недовольны, однако хуже другое. Автобус заполнен практически под завязку, и свободными оставались только два места у прохода. В моем состоянии подобный расклад не принимался, следовательно, кому-то придется подвинуться, независимо, хочет он того или нет. Из двух представленных претендентов, устроившихся у окна, жертву я определил сразу. В отличие от общей массы, не скрывшей своего раздражения в мой адрес, его приветливая физиономия выглядела настолько фальшиво, что выдавала его истинную натуру с головой.

Тут ведь главное – что называется: “Вижу цель, верю в себя”. Потому, не отрывая тяжелого взгляда исподлобья от намеченной жертвы, продвигаюсь к нему по проходу.

– Не возражаете, если я возле окна сяду, – продолжая буравить взглядом его переносицу, неожиданно вежливым голосом поинтересовался я.

И, не дожидаясь его ответной реакции, начинаю пробираться мимо него на облюбованное место.

– Позвольте, а почему, собственно, ... – проблеял тот, все же смещаясь в сторону прохода, пропуская меня к намеченной цели.

Но я, ловко развернувшись, уже свалился на его место, всем своим видом демонстрируя, что дебаты окончены. Ехать до Каира шесть часов, уж не знаю, где мозг ухватил эту информацию. А потому, учитывая мое состояние, устроиться необходимо с максимальным комфортом. Демонстративно игнорируя сгустившееся в мой адрес общественное осуждение, достав из сидора бутылку с водой, я с нескрываемым наслаждением отпил из нее почти половину.

Ничуть не смущаясь сконцентрированного на моей персоне всеобщего вниманья, развернувшись, я забил сидор в пространство между подголовником сиденья и стеной. Причем находившаяся в сумке подушка оказалась там очень кстати, позволив разместиться с дополнительным комфортом. После чего, повозившись немного, устраиваясь поудобней, привычно отключил все внешние раздражители, проваливаясь в зыбкое забытье.

И не удивительно, потому как самым общительным оказался именно мой терпила – сосед. Пожалуй, только он и не позволял мне, окончательно утратив связь с реальностью, провалиться в стадию глубокого сна. А потому за время пути я пару раз выныривал из забытья, чтобы напиться, и раз даже вышел покурить во время стоянки возле какого-то придорожного кафе.

Следом за внезапно навалившимся рассветом, пришло понимание, что автобус движется уже не по трассе, а по пригороду Каира. Возможно, виной тому стало, что песчаный оттенок окружающих нас недостроев мало отличался от общей цветовой гаммы простиравшегося вокруг пустынного пейзажа.

Но стоило приблизиться к центру города, как последние остатки сна как ветром сдуло. Суэта переполненных, несмотря на ранний час, улиц, непривычный архитектурный стиль, на каждом шагу преподносящий сюрпризы своей непредсказуемостью, и огромное количество раритетных автомобилей, двигавшихся в общем потоке, не могли оставить равнодушным.

Государственный музей Каира, ставший первым пунктом нашего вояжа, я попросту игнорировал, решив остаться в автобусе. Под непонимающими взглядами попутчиков, сопровождавший нас гид что-то проблеял, мол, деньги за посещение уже уплачены, а потому об их возврате не может быть и речи. Но под моим тяжелым взглядом быстро сдулся, и возглавив страждущих культурного просвещения пассажиров, повел их знакомиться с осколками древней цивилизации. Водилы тоже куда-то свалили, а потому я наконец-то получил возможность подремать в тишине и покое.

По видимому экспозиция оказалась действительно богатой, потому как разбудившие меня соотечественники явились часа через три, что позволило мне практически прийти в норму. Сразу после посещения музея, нашу группу отвезли на обед в ресторан, находившийся в некогда туристическом теплоходе, сейчас намертво пришвартованном к набережной Нила. Есть по-прежнему, не хотелось, а потому ограничившись тем, что в местной кухне именуется супом, я вышел на палубу перекурить.

В глаза сразу бросилось, что с погодой творится что-то необычное. В воздухе стояла какая-то непонятная хмарь, почти полностью скрывавшая солнце. И теперь, вместо полуденного пекла, создавалось впечатление, что день уже близится к вечеру.

После предстоял визит в масляную лавку, но стоило войти внутрь, как похмельная гиперчувствительность к запахам заставила меня срочно покинуть помещение. А потому я составил компанию ожидавшим снаружи водителям, которые страдая от безделья, решили обучить меня явно матершинному слову, выдавая его за безобидное “хорошо”

Единственным стоящим, на мой взгляд, заездом оказалось посещение ювелирного магазина местной фабрики. И хотя, покупать я ничего не собирался, за “посмотреть” денег не берут, тем более, было на что. Стена позади высокого прилавка, за которым обосновались продавцы, была вся увешана готовой продукцией, четко поделенной на три равных отдела. Как моему терпиле-соседу дали в руки примерить цепь, сразу бросившуюся всем в глаза, мне осталось непонятно.

В палец толщиной, состоящая из крупных витых звеньев, она словно излучала насыщенный ярко-рубиновый оттенок, не имевший ничего общего с мутно-красным цветом Турецкого “рыжья”. Особенно когда стало известно, сколько она стоит. В том отделе находилась продукция 999-й пробы, которую было принято носить местными. Соответственно и цена за грамм являлась значительно выше, чем более низкосортное золото, представленное на соседних стеллажах.

Цена изделия определялась его взвешиванием, и умножение массы на стоимость золота этой пробы. Впоследствии к полученной сумме плюсовалось 10 процентов за изготовление, и в результате конечная цена представлялась потенциальному покупателю на экране калькулятора. Получалось, что эта цепь стоила чуть больше тридцати пяти штук. На всякий случай уточнив, что цена указана в долларах, я еще раз недоверчиво оглядел интерьер магазина.

Непосредственно в торговом зале находился всего один продавец, довольно хлипкого телосложения, который вполне предсказуемо терся рядом с обладателем этого сокровища. Стеклянная дверь в фойе, где за столом сидел охранник, была открыта настежь. Непосредственно входная дверь, хотя и закрыта, но не заперта. В общем, не знаю, что здесь могло помешать, если бы мне вздумалось пойти на прорыв, попытаться, что называется, уйти не расплатившись. Впрочем, вероятнее всего, мне в руки эту цепь никто бы и не дал, в отличие от моего соседа, в котором торгаши безошибочно определили потенциальную жертву.

Тем временем погода все больше ухудшалась, и к нашему приезду в долину пирамид небо уже полностью затянуло тяжелой пеленой. Но все бы ничего, если просто облачность. Поднялся порывистый шквальный ветер, доставлявший поистине ощутимый дискомфорт. Потому как подхваченные им песчинки, словно маленькие острые снаряды довольно чувствительно атаковали открытые участки кожи. К тому же эта песчаная завеса практически полностью закрывала расположенные в удалении пирамиды, в результате чего вместо этих величественных сооружений, лишь смутно просматривались их размытые контуры.

В результате, на площадке, с которой открывался вид на весь комплекс пирамид, делать оказалось нечего. Нормального изображения не получалось даже на мощных профессиональных фотоаппаратах, что уж там говорить о простых “мыльницах”, которыми было вооружено подавляющее большинство. Пофотографироваться удалось только у основания пирамиды, да и то, по понятной причине, лишь с ее подветренной стороны.

После чего всей бандой отправились провожать добровольцев, изъявивших желание войти в саму пирамиду. Помимо меня, таких оказалось немного, а именно одна молодящаяся деваха неопределенного возраста, всю дорогу так и рвавшаяся со всеми перезнакомиться. Вот только, как выяснилось, не в состоянии похвастать особым умом и сообразительностью. Уже приближаясь к будке охраны на входе, так, чтобы слышала только она, я посоветовал ей убрать фотоаппарат в сумочку.

– Точно, – спохватилась она во всеулышание.

– Гид ведь предупреждал, что фотоаппараты брать с собой нельзя, – продолжала вещать она, окончательно сдавая все масти.

После чего отдала свою “мыльницу” кому-то из попутчиков. И лучезарно улыбаясь, протянула руку и за моим фотоаппаратом, который я уже успел убрать в карман.

– Вот ведь, тварь! – подумал я.

Тем не менее, с полной неподдельной признательности улыбкой, под бдительными взглядами привлеченных нашими действиями охранников, вручил кому то из попутчиков свой фотоаппарат.

От поста охраны, между песчаных стен прорытого вниз котлована, к основанию пирамиды вели ступени обычной деревянной лестницы. Оканчивавшейся небольшой площадкой, напротив которой в монолитной каменной поверхности пирамиды темнел проход, ведущий в ее недра.

Как истинный джентльмен, пропустив даму вперед, я направился вниз по лестнице вслед за своей непутевой напарницей. Но к разыгравшемуся там представлению оказался откровенно не готов. Только попытавшись войти в проем, и ощутив на себе первое дыхание пирамиды, с моей напарницей произошла невероятная метаморфоза. Отпрянув назад, и упершись в верхний край проема руками, всем своим видом она недвусмысленно продемонстрировала полное нежелание идти дальше.

Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что свои подсознательные рефлексy она продемонстрировала всей группе провожающих, наблюдавших за нами сверху. Взяв себя в руки, и осознав величину своего позора, потупив взгляд, она юркнула мимо меня, шустро застучав каблучками вверх по лестнице. Проводив ее взглядом, я лишь пожал плечами, и, не ощутив никакого потустороннего влияния, вошел в темноту проема.

Действительно, воздух показался мне несколько спертым, впрочем, особого дискомфорта сей факт не доставлял. Впереди простирался на первый взгляд обычный коридор, вот только учитывая возраст этого сооружения, некоторые факты не могли не заинтриговать. Каменные стены, состоящие из огромных массивных блоков, образовывали не просто идеально ровную поверхность, но и оказались тщательно отшлифованы. Но если подобный факт можно объяснить, то вот как древним строителям удалось уложить многотонные блоки с такой точностью, что щели между ними почти не просматривались, находилось выше моего понимания.

А вот в конце прохода меня поджидал сюрприз. Там начинался ведущий вниз тоннель, расположенный под углом в сорок пять градусов. Протяженность тоннеля оказалась метров сорок, но основной его особенностью являлось, что высота прохода составляла чуть больше метра. Пол покрывали положенные вдоль доски, скрепленные между собой невысокими плашками, набитыми поперек через каждые полметра.

Какой способ передвижения выбрать в подобных условиях, каждый, видимо, должен был решать сам. Конечно, можно согнуться пополам, и при всей неприглядности подобной позы преодолеть спуск подобным образом, но я выбрал другой способ. Такая дистанция “гусиным шагом” являлась непременным атрибутом каждой разминки, а наклон поверхности компенсировался перилами, закрепленными на обеих стенах чуть выше середины высоты тоннеля.

Тоннель выводил, казалось бы, в такой же проход как на входе, если бы не его высота. Потолок возвышался на расстоянии не менее семи метров. Причем его поверхность была не ровной, а состояла словно из хаотично нависающих отельных блоков. К тому же этот коридор оказался обитаем. Уж не знаю, что они здесь охраняли, но из расположенной в центре прохода ниши появилось два аборигена в форме охранников, принявших радостно и ободряюще напутствовать меня вслед.

В конце прохода меня ожидал очередной тоннель, только ведущий уже вверх, полностью аналогичный тому, по которому я только что спустился. С отчаянно болящими с непривычки ногами, активно помогая себе руками по перилам, я наконец-то добрался до конечной цели.

Если честно, то я ожидал большего, но благодаря разъяснениям Доктора, побывавшего на пирамидах в свой предыдущий визит в Египет, все зависело, в какую пирамиду будет осуществляться доступ. Видимо, мне как обычно “повезло”, и сегодня пускали далеко не в самую большую из усыпальниц.

Внутренний объем представшего мне помещения я подсознательно сравнил с размером зажиточной крестьянской хаты. Именно, не только размером, но и формой – прямоугольная полость, с уходящим вверх двухскатным потолком, ассоциировавшимся с крышей. Вдоль одной из стен, прямо на полу лежали две лампы дневного света, а в дальнем от входа краю, похоже, имелась какая-то “мебель”.

Абсолютно предсказуемо, это оказался, конечно же, саркофаг. Угловатая мраморная конструкция поражала своими размерами и заключенной в ней массой. Чистота обработки и геометрическая четкость линий в свою очередь тоже не могли оставить равнодушным. Изнутри саркофаг своими размерами чем-то отдаленно напоминал полноразмерную ванну. С дальней стороны к саркофагу была привалена его крышка, представлявшая собой такую же толстенную мраморную глыбу.

Не раздумывая, я немедленно забрался внутрь, почему-то предварительно скинув шлепанцы и оставив их снаружи. Впрочем, учитывая величину совершаемого мной святотатства, вряд ли имело особое значение, обут я или нет. Вытянувшись во весь рост, я расслабился,

прислушавшись к собственным ощущениям. Ну а чем сфинкс не шутит, кто и выйдет на связь, а связи, как известно, в наше время решают все. Вот только в голову упорно продолжал лезть только подобный бред.

На подобие, вот придет сейчас другая экскурсия, состоящая главным образом из престарелых европейцев. Уж не знаю, как они преодолеют пройденную мной по пути сюда полосу препятствий, вот только о том, что здесь уже кто-то есть, их, конечно, никто не предупредит. И вот, борясь с вызванной нагрузкой аритмией, и отчаянно отдуваясь, они вваливаются внутрь, а тут я, привлеченный шумом, поднимаюсь из саркофага. И не в состоянии сдержать усмешку, отмечаю еще один немаловажный факт: и как всегда – весь в белом.

Видимо, под впечатлением транслируемых мной мыслеобразов, представители вездесущих цивилизаций, выходить на связь, почему-то, по-прежнему не торопились. К тому же, от камня ощутимо тянуло холодом, да и жесткая мраморная поверхность мало способствовала пребыванию там живого обитателя. А значит, пора вставать и выбираться, раз установить со мной контакт так никто и не отважился.

А вот происходящее снаружи не смогло оставить меня равнодушным. Словно в ответ на мою дерзость, разгневанная природа разбушевалась не на шутку. Ветер значительно усилился, и теперь его отголоски ощущались и с подветренной стороны пирамиды. А стоило выйти из-под ее защиты, то чтобы сопротивляться напору ветра, приходилось значительно наклоняться вперед. Прилагая существенные усилия не только, чтобы двигаться вперед, но и попросту не оказаться сметенным его ураганными порывами. Хорошо хоть перед выходом на этот “ветродуй”, я догадался замотать лицо арафаткой, а глаза спрятать за солнцезащитными очками.

Ввалившись в раскачиваемый порывами ветра автобус, где прижав уши, меня поджидала вся наша команда, я сразу оказался в центре внимания. Несмотря на то, что в внутрь пирамиды идти никто не пожелал, все проявили самый живой интерес, что я там увидел. В ответ, многозначительно посмотрев на свою несостоявшуюся поделницу, я выразился в том смысле, что если бы не некоторые особо сознательные личности, все смогли увидеть это на экране моего фотоаппарата.

По программе нам еще предстояло посещение какого-то храмового комплекса, находящегося рядом с фигурой Сфинкса. Но в связи с разбушевавшейся стихией, этот пункт культурной программы оказался под вопросом. Однако, пока автобус, маневрируя между пирамидами, доставил нас до нужного места, ветер значительно стих. Восприняв данный факт как добрый знак, вся наша компания дружно вывалила наружу. И именно в этот момент хлынул дождь, хоть и не сильный, но моментально прибавивший висевшую в воздухе пыль.

После ураганного ветра напугать кого-то обычным дождем оказалось сложно. Особенно при виде того, какое впечатление это, казалось бы, рядовое погодное явление произвело на местных продавцов сувениров. На лицах аборигенов отражалось поистине религиозное ликование, а некоторые так вообще, воздев руки к небу, словно дети кружились и приплясывали.

Разобраться в природе подобной реакции помог наш гид. Оказывается дождь в здешних широтах явление довольно редкое. А иногда в течение всего года с неба не проливается ни грамма влаги. А значит, нам довелось стать свидетелями довольно редкого явления. Вот только насколько нам “повезло” мы вскоре смогли почувствовать в полной мере.

Пол храма состоял из идеально отшлифованных мраморных плит. А ввиду полного отсутствия крыши, намокнув, стал невероятно скользким. Потому посетители храма напоминали пресловутых лягушек на льдине, из известного анекдота про Вовочку. А взобраться по лишенным перил мраморным лестницам на верхний ярус террасы храма, в подобных условиях, решались только наиболее отчаянные.

Но стоило автобусу покинуть территорию долины пирамид, как погода вновь внезапно поменялась. И на очистившемся от туч небосводе вновь воцарилось ничуть не смущенное

своим краткосрочным отсутствием светило. Под его жаркими лучами последние следы прошедшего дождя моментально высохли.

– А может, еще один заход на пирамиды сделаем, после дождя они как новые, фотки получатся – лучше не придумаешь! – прозвучало мое поистине издевательское предложение на фоне всеобщего замешательства от произошедшей метаморфозы.

Конечно, снова заезжать на территорию комплекса никто не согласился, зато в соответствии с программой поперлись на фабрику по производству папирусов. Фабрикой оказалась обычная лавка, специализирующаяся на продаже картин на папирусе, с развернутым на втором этаже производством.

Вникать вместе со всеми в тонкости технологии производства бумаги из пальмовых листьев у меня не имелось ни малейшего желания. Поэтому, осмотрев экспозицию торгового павильона, по большей части, носившей национальный колорит, с целью привлечения потенциального охотника за сувенирами, вскоре я покинул помещение.

Выйдя на улицу, я не спеша закурил, наблюдая за повседневным ходом жизни окружавшего меня города. Голосистая детвора, занималась своими делами, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания. Да и вообще, складывалось впечатление, что никому здесь нет до меня ровным счетом никакого дела. Никто не пытался обмануть отбившегося от общей группы туриста, да и дети не проявляли никакого навязчивого внимания.

И вот тогда, кажется, я понял, что является главной объединяющей чертой наших на первый взгляд абсолютно не похожих народов. Национальная гордость и чувство самоуважения – вот что позволяло нашим культурам возобладать над низменными побуждениями, несмотря ни на какие трудности. И именно подобные качества делают народ великим, не оставляя врагу ни единого шанса одержать над ним победу.

Глава 2

“А я уеду жить в Лондон.

Я уеду жить в Лондон.

Я уеду туда...”

Порядком приевшаяся мелодия, лившаяся из динамиков телевизора, начинала уже выбешивать, мешая сосредоточиться. Из трех каналов на русском языке, найденных на местном телевиденье, один оказался насквозь церковно-религиозным, другой детским, а вот третий поначалу приятно порадовал. Музыкальный канал, весь день транслирующий клипы попеременно с новостями шоу бизнеса показался настоящим сокровищем, способным решить проблему свободного времени.

Однако почти сразу стало понятно, что звучавшие там композиции частенько повторялись, акцентируя свои предпочтения на новинках музыкальной продукции из верхних строк чарта. Как данная парочка, со сладостным надрывом посвящавшая слушателя в свои сокровенные мечты поскорей свалить с Родины. И если пожилой при этом вел себя более-менее пристойно, то молодой, в порыве восторга от предстоящей смены места жительства, от радости чуть из штанов не выпрыгивал.

– Слышишь, Доктор, я тут стихотворенье придумал, – нарушил я царившую в комнате сонную атмосферу.

Подняв глаза от электронной книги, с которой тот обычно проводил время послеобеденного отдыха, валяясь на своей кровати, Доктор, с беспристрастным выражением на лице посмотрел на меня. Дескать, я с тобой уже давно разучился чему-либо удивляться. Давай, рожай уже.

– Коль по жизни ты го.дон,

То езжай, живи в Лондон, – выдал я, в слове “Лондон” сделав ударение на последний слог.

Одного взгляда на экран тому оказалось достаточно, чтобы понять, что послужило причиной столь внезапно прорезавшихся у меня поэтических способностей. После чего ухмыль-

нулся одними глазами, перевернулся на другой бок, вновь углубившись в чтение. Ну, понятно: кто в армии служил – тот в цирке не смеется. А ситуация тем не менее, на мой взгляд, складывалась критическая. Если я не расшевелю его в ближайшее время, то вскоре послышится его молодецкий храп, грозящий затянуться до самого ужина.

Да и вообще, после моего возвращения из Каира, наш отдых перешел в какую-то вялотекущую фазу. Нет, по вечерам мы по-прежнему основательно накидывались, вот только, былого веселья уже не наблюдалось. Возможно, виной тому, как не странно, являлось существенное потепление, буквально за сутки прогретое море в прибрежной полосе. В результате чего выход из воды стал возможен и без стакана водки.

Методично “колотя продол”, маятником перемещаясь от входной двери до выхода на балкон и обратно, я напряженно пытался выявить фактор, препятствующий нашему полноценному отдыху.

– С телками пора что-то решать, – сама собой пришла уже неоднократно посещавшая мысль. – А то мы тут как те два быка из анекдота – никуда не торопимся. А меж тем половина срока путевки уже прошла.

Вот только в ситуации с девчонками сложилась явная невезуха. Толи не сезон, толи попросту совпало так, но выбор оказался, прямо скажем, небогатый. Приехавшая почти одновременно с нами компания армяшек днями напролет крутились вокруг немногочисленных потенциальных жертв, вот только, похоже, особым успехом похвастать не могли.

Видимо, необходимо менять тактику, и у меня даже зародились кое-какие мысли на этот счет. А учитывая, что Доктор, отключив свой электронный букварь, начал устраиваться удобней, действовать предстояло немедленно.

– У меня идея, – сказал я, поймав начинающий соловеть взгляд напарника, и вышел на балкон.

Трюк не особо хитрый, но главное заинтриговать, пусть помаринуются немного, глядишь, сон и подрастеряет. Тем временем я пытался рассмотреть, что происходит на расположенной в углу пляжа волейбольной площадке. Вот там-то всегда хватало молодых дам, причем, некоторые из них очень даже ничего.

Однако рассмотреть, что происходит на площадке, мешало помещение пляжного бара, окруженное густой растительностью. А потому балкон второго этажа мало подходил на роль наблюдательного пункта. Впрочем, азартные выкрики, доносившиеся с той стороны, свидетельствовали, что там явно кто-то есть, и игра идет полным ходом.

В этот момент мое внимание привлек другой звук, бравший начало в противоположной стороне. Нарастающий гул множества моторов наваливался со стороны дороги, проходившей вдоль фасада главного здания. Устройство отеля являлось стандартным – в форме буквы “П”. Роль верхней перекладины выполняло административное здание, в котором располагались ресепшен, лобби-бар, рестораны, и прочие служебные помещения. А уходящие от него перпендикулярно ножки – жилые корпуса, с занимавшим почти все внутреннее пространство двора бассейном.

Наша комната находилась с внутренней стороны, а потому дорога отсюда не просматривалась, отгороженная административным зданием. К тому же его нижний уровень значительно возвышался над внутренним пространством между корпусами. Имея на выходе просторную террасу, от которой в сторону каждого корпуса вниз вела широкая лестница.

И хотя балкон находился как раз на высоте этой террасы, разглядеть происходящее с той стороны здания, через все внутреннее пространство являлось нереально, хотя, и внутренняя, выходящая на террасу, и наружная стена фойе, были полностью стеклянные.

Меж тем появление большого количества грузовой техники на тихой туристической улице, ставило меня в тупик. Машины следовали непрерывным потоком, и могу поклясться, что пару раз я ясно различил лязг траков. Это окончательно выбивалось из привычного уклада,

а потому происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Но, не заставив долго ждать, вскоре мои смутные предчувствия полностью подтвердились.

Со стороны улицы раздалось несколько автоматных очередей, следом пару раз хлопнуло в районе входа в отель, после чего стрельба из автоматического оружия послышалась уже оттуда. Выстрелы звучали довольно глухо, и возможно, находишь я в комнате, я бы вообще ничего не слышал. Причиной тому могло послужить то обстоятельство, что для сохранения внутренней прохлады, стеклянные двери в фойе открывались автоматически, и до меня доносился лишь слабый отголосок происходящей там перестрелки.

Ну а со стороны дороги звуки выстрелов терялись на фоне грохота двигавшейся техники, а потому похоже, даже находившиеся у бассейна туристы не обратили на происходящее ровным счетом никакого внимания. Детвора продолжала беззаботно плескаться в бассейне, а их не менее беспечные родители расслабленно нежились в шезлонгах под тенью пляжных зонтов.

Вернувшись в комнату, я наткнулся на, как и задумывалось, заинтригованный взгляд Доктора, похоже, уже начавшего терять терпение. Однако, увидев выражение моего лица, от его недовольного настроения моментально не осталось следа.

– Мамо, не ходите ночью до ветру, там стреляют, – заявил я.

– В смысле? – не сразу въехав в смысл сказанного, переспросил Доктор. Однако от его прежней расслабленности не осталось и следа.

– На коромысле. Стрельба на ресепшене, да и движня на улице какая-то нездоровая, – пояснил я, не скрывая своего беспокойства.

Меня всегда поражало, как Доктору, несмотря на его довольно крупные габариты, удается двигаться так легко, и одновременно стремительно.

– А ты ничего не путаешь, – с плохо скрываемым недоверием переспросил он, приближаясь к выходу на балкон. – Ты же вроде в стройбате служил.

– Да я чо, совсем олень, что ли. К тому же по соседству с нами мотострелковая часть располагалась, так что я этой музыки наслушался, – оправдывался я, привстав на цыпочки, пытаясь рассмотреть выход из фойе из-за плеча Доктора, своими габаритами загородившего весь дверной проем.

Выходить на сам балкон он явно не собирался, да и в проходе стоял не открыто, а наблюдая за происходящим снаружи из-за плотной шторы, препятствовавшей проникновению внутрь комнаты солнечных лучей. Но дальнейшие события не заставили себя долго ждать, и вскоре его сомнения оказались окончательно развеяны. На этот раз стрельба послышалась с верхних этажей главного корпуса, после чего одно из стекол с громким звоном разлетелось на куски, и наружу вывалилось тело человека в фартуке официанта.

Вот теперь на площадке возле бассейна возникло обеспокоенное оживление. Взволнованные мамы тревожными голосами принялись подзывать своих детей, да и сидящие у стойки бара вышли наружу, чтобы выяснить что происходит. Однако покинуть открытое пространство никто не догадался, за что вскоре им предстояло жестоко поплатиться.

Выходящая на террасу стеклянная стена словно взорвалась изнутри, и причиной тому послужил огонь из автоматов, открытый из глубины фойе. Следом в образовавшийся проем вывалила толпа вооруженных людей, моментально заполнивших все пространство террасы, возвышавшейся над площадкой между жилых корпусов.

Даже мне, обладавшему крепкой психикой, происходящее показалось каким-то кошмарным сном. Заняв господствующую позицию над расположенным внизу бассейном, бандиты открыли шквальный огонь по находившимся там туристам. Автоматные очереди крошили всех без разбора, а грохот выстрелов, многократно отражаясь от стен, на фоне происходящего на моих глазах изуверства, воспринимался как какая-то дьявольская какофония. Которой вторили крики ужаса и боли расстреливаемых людей, полные безысходности и отчаянья перед постигшей их участью. Однако, одна сцена, из разыгравшейся внизу драмы, произвела на меня

настолько сильное впечатление, что казалось, весь мир вокруг перестал существовать, звуки стихли, и даже само время остановилось.

Судя по одинаковым купальникам, они были сестрами. Худенькая светловолосая девочка лет восьми, пыталась убежать, неся на руках свою сестренку, которой было не больше четырех. До мостика через бассейн, расположенного напротив входов в жилые корпуса, они не добрались буквально пару метров. Автоматная очередь, насквозь прошившая оба детских тельца, сбила девочку с ног. Но, даже упав замертво на мраморную отбортовку бассейна, она словно продолжала закрывать своим телом младшую сестру.

– Вага, это что вообще творится? – вывел меня из забытья растерянный голос Доктора.

– А ты сам не видишь? Беспредел! – лишенным всяких эмоций голосом ответил я.

Видимо, что-то почувствовав по моему голосу, Доктор обернулся. Но увидев мое отрешенное выражение лица, сообразил, что со мной не все в порядке, обеспокоившись не на шутку. Что не удивительно – кругом полный хаос и вакханалия, а я стою с непроницаемо-опуштенным взглядом.

– Вага, очнись, нужно что-то делать, – произнес он совершенно спокойным голосом.

Но как не странно, именно подобный ход помог мне восстановить связь с реальность. Хотя стоило громадных усилий, чтобы подавить волну захлестнувшей меня ярости, выходя из-под власти охвативших эмоций.

– Я знаю что – мочить этих мразей! – ответил я, переводя на него уже осмысленный взгляд, не позволявший сомневаться в серьезности моих намерений.

– Уверен? – тем не менее, посчитал нужным переспросить Доктор, потому как принятое мной решение в равной степени касалось нас обоих.

Не единожды побывав в самых непростых ситуациях, между нами выработалось правило, в экстремальных условиях действовать как единый слаженный механизм. И если Доктору не было равных как тактику, то за построение стратегического плана действий, как правило, отвечал я. Вот и сейчас, предстояло определиться с нашими дальнейшими действиями, несмотря на ярко выраженную нестандартность ситуации, и крайнее ограничение по срокам.

– Как никогда. Бежать уже поздно, да и куда? Слышишь, в соседнем отеле такая же стрельба, а с другой стороны пустырь. Мы там как блоха на лысине будем, – непонятно зачем убеждал я, потому как для себя уже все решил.

Хотя относительно того, что сбежать из отеля незамеченными не выйдет, против истины я несколько не погрешил. Мы по-прежнему оставались у выхода на балкон, наблюдая за событиями, происходившими после расстрела туристов у бассейна. После того, как стрельба стихла, боевики разделились на две группы, каждая из которых устремилась вниз по лестнице. В конечной цели их маневра сомневаться не приходилось. А потому сейчас обе группы примерно из тридцати боевиков каждая стремительно приближалась к центральным входам в оба жилые корпуса.

Наш балкон был первый от входа, и по мере того, как боевики приближались, я смог рассмотреть их во всех деталях. В их принадлежности к ИГИЛ¹, либо другой радикальной исламской организации, сомневаться не приходилось. На голове у многих красовалась черная повязка, с идущей по ней надписью на арабской вязи. Однако мой взгляд фиксировал множество других деталей, которые кому-то другому могли показаться несущественными.

Во-первых, возраст большинства боевиков немногим превышал двадцать, двадцать пять лет, что становилось особо заметно, потому как лишь немногие имели бороды. Да и атлетической комплекцией могли похвастать немногие, а потому среди приближавшегося отребья на общепринятый образ шахида мало кто тянул. Причем подобная характеристика имела свои основания.

---

¹ Запрещенная в России организация

Обмундировано это воинство оказалось, откровенно как попало. Камуфляжи и специализированную обувь имели единицы, а про разгрузки, либо другие средства экипировки я вообще молчу. Создавалось ощущение, что передо мной предстала сводная команда пастухов из дальних горных аулов. Большинство боевиков было одето в какие-то несурзные пиджаки и бесформенные шаровары. Да и те имели значительную степень поношенности, производя довольно жалкое впечатление.

Правда, вооружены все оказались на удивление неплохо. По большей части калашами, хотя имелись и импортные образцы вооружения, в которых я слабо разбирался, а потому не мог точно определить страну – производителя. Мне удалось рассмотреть даже один пулемет, судя по конструкции, явно не нашего производства. Раритетных берданок не наблюдалось, а к имевшимся карабинам подобное определение подходило мало.

Однако в первый же момент я невольно отметил одну характерную особенность их амуниции. У каждого на поясе находилась связка предметов, в последнее время прочно вошедших в оснащение западных сил правопорядка. Одноразовые пластиковые наручники, использовавшиеся ярыми сторонниками демократии во время разгона массовых беспорядков, нельзя было перепутать ни с чем другим.

И как не странно, подобное оснащение напавших на отель боевиков вначале меня даже несколько успокоило. Означая, что в самом отеле, повторение бойни у бассейна ожидать не следует. Видимо, все произошедшее там являлось демонстрацией силы, имевшей целью сломить решимость людей, лишив их воли к сопротивлению. Однако, кроме раздражения, подобная тупость не могла вызвать у меня никакой другой реакции.

Да сколько уже может весь мир совершать одну и ту же ошибку. Неужели так трудно понять, что пытаясь репрессиями напугать русского, можно его лишь разозлить. А что ожидать от разбушлатившегося москаля, я вам скоро наглядно продемонстрирую. Взгляд невольно метнулся к трупам у бассейна, но заставив себя подавить подступившее к горлу бешенство, я отошел вглубь комнаты.

Тем более, банда, направлявшаяся в наш корпус, достигла входа, а потому следовало предпринять кое-какие шаги по их встрече. Само собой, воевать с ними прямо в номере я не собирался, предпочитая, как и все нормальные герои пойти в обход. Но и позволить им зайти в тыл нам, в мои планы не входило.

– Помоги, – бросил я наблюдавшему за мной Доктору, направляясь к своей кровати.

Не знаю как в других отелях, планировка нашей комнаты особой хитроумностью не блистала. От входной двери слева одна стена являлась сплошной, проходя до самого окна, совмещенного с выходом на балкон. Вдоль нее и пролегал тот самый проход, по которому в минуты досуга я и имел привычку маячить. Непосредственно жилое пространство находилось справа от входа возле окна, а ближе к выходу располагалась ванная комната, вход в которую находился в образовавшемся коридорчике перед входной дверью.

Все просто и удобно, а учитывая, что дверь открывалась внутрь, для моих целей подобная планировка выглядела просто идеальной. Поставив кровать “на ребро”, мы втащили ее в коридорчик, прислонив изголовье к входной двери. Следом подобным образом рядом заняла место кровать Доктора. Образовавшийся между ними зазор мы расклинили, затолкав туда всю немногочисленную мебель, сверху водрузив длинный стол, ранее стоявший возле сплошной стены.

Результатом нашей деятельности стала основательная баррикада, полностью похоронившая под собой входную дверь. К тому же одна из подпиравших своим изголовьем дверь кроватей, противоположной частью упиралась в косяк проема в ванную. Теперь, желающим попасть внутрь комнаты предстояло упорно потрудиться, и далеко не факт, что у них хватит на это терпения.

Обезопасив себе тыл, можно было переходить к фазе активных действий. Правда, никакого конкретного плана я пока не имел, в виду того, что информации для его построения имелось небогато. Да и общая обстановка не вполне понятна, а значит предстояло действовать по обстоятельствам. Единственное, что имелось в избытке – холодная решимость, и желание во что бы ни стало пустить врагу кровь, не задумываясь, какую цену предстоит заплатить за ставшую личной вендетту.

Вновь осторожно выглянув из-за портьеры наружу, я проанализировал ситуацию. Первым делом я отметил присутствие на террасе боевика, вооруженного пулеметом, в обязанности которого входил контроль всего внутреннего пространства двора. Что само приходило на ум на основании занятой им господствующей позиции. Еще одного вооруженного ваххабита мне удалось рассмотреть на входе в корпус напротив. А потому чуть сместившись в сторону, чтобы конструкция балкона не закрывала вход в наш корпус, подобного охранника я разглядел и здесь.

В руке у меня уже находился нож – “бабочка”, мой давний и верный спутник. Под определение “холодное оружие” он не дотягивал по длине лезвия, и на первый взгляд производил впечатление рядового изделия китайского ширпотреба. А потому проблем с ментами при его провозе у меня, как правило, не возникало. Но в том все и дело, что мой любимец только выглядел штатным изделием, на самом деле подвергнутый мною серьезной модернизации.

Главным образом это касалось его основной рабочей части. Родное лезвие, из стали низкой пробы, я почти сразу заменил на его практически точный аналог, скрупулезно скопированный мной ценой огромных усилий. Если что я и сделал не сам, так саму заготовку, которая была изготовлена по моему заказу, откованная из тепловозного клапана. В результате лезвие получилось не только в разы прочней прежнего, но и затачивалось до той остроты, что им можно было бриться, что я и неоднократно демонстрировал на спор.

Своей первой целью я наметил охранника на входе в наш корпус, вот только добраться до него без палева являлось крайне непростой задачей. Стоило появиться на балконе, меня могли увидеть как охранник на входе в корпус напротив, так и пулеметчик на террасе. Потому как после пары очередей, которыми пулеметчик хлестнул по зданию, загоняя в комнаты особо любопытных, выходить на балконы больше никто не решался. На земле все представлялось несколько проще.

Вдоль обоих корпусов на расстоянии трех метров тянулась живая изгородь, из какого-то довольно густого кустарника. К тому же в районе входа она заворачивала к зданию под прямым углом, способная надежно защитить меня от взгляда пулеметчика на террасе. Ну а увидеть друг друга оба часовых на входе в корпуса не могли из-за расположенного между ними горбатого мостика, перекинутого через бассейн.

Время неумолимо уходило, а подходящего момента все никак не представлялось. Тем временем недовольное пыхтение Доктора за спиной становилось все отчетливей, имея на то веские основания. В чем-то мои предположения сбывались. Стрельба на первом этаже носила, скорей деморализующий характер, что подтверждали громкие крики боевиков, принуждавших обитателей комнат к повиновению. Похоже, там сейчас орудовала вся банда, понимая стратегическое значение первого этажа, и стремясь захватить его как можно быстрее.

Но действуя общими усилиями, много времени это у них не займет, а потому вскоре они объявятся и здесь. А учитывая, что дверь в нашу комнату от лестничной клетки крайняя, то и узнаем мы об этом первыми. Словно в подтверждение моих мыслей вскоре стрельба и крики на первом этаже прекратились, а из-за заваленной мебелью входной двери послышались приглушенные удары. Однако, уверенный в крепости возведенной нами преграды, я продолжал неотрывно наблюдать за поведением часовых. И как следствие проявленной выдержки, стал шанс, которым судьба милостиво вознаградила мое упорство.

Видимо пулеметчику на террасе надоело держать свой тяжелый агрегат на весу, и он решил поставить его на пол. Чтобы отшелкнуть закрепленные вдоль ствола сошки он был вынужден склониться над своим оружием. В этот момент охранника напротив, видимо, кто-то окликнул из глубины корпуса, в результате чего он повернулся к нам спиной.

Выскользнув из комнаты на балкон, в одно касание я преодолел перила, спрыгнув точно на часового, охранявшего вход в наш корпус. Потому-то меня и не волновало, заметит он меня или нет, ведь времени среагировать у него попросту не оставалось. Единственное, он успел повернуться ко мне лицом, но помочь это ему уже никак не могло.

В удар ножом я вложил не только инерцию своего тела, обрушенного на противника, но и всю ярость, которую был вынужден сдерживать последние минуты. Нанося удар по горлу, держа нож "обратным хватом", мне удалось перебить не только трахею, но и обе сонные артерии противника. Теперь его голова удерживалась только шейным отделом позвоночника, завернувшись под неестественным углом, когда мы вместе рухнули на землю.

Но нанося подобный удар впервые, я не мог предусмотреть одной детали. Кровь, хлынувшая из перебитых артерий, широким мазком плеснула мне точно по глазам. На какое-то время я буквально ослеп. Конечно, благодаря природным рефлексам я вовремя успел закрыть глаза, но теперь открыть их не позволяла вязкая кровавая пленка. Но, даже с усилием разлепив веки, ситуация изменилась не намного. Благо на помощь пришел спустившийся следом Доктор, осмотрительно оттащивший убитого мной боевика с прохода, за ближайшие заросли живой изгороди.

Практически не видя ничего вокруг, я последовал за ним, перепачканными кровью руками пытаюсь очистить глаза. Но быстро осознав бесперспективность подобного занятия, сдернул с головы трупа черную повязку, и попытался стереть кровь с лица уже ей. Теперь результат оказался в прямом смысле более наглядным, потому как довольно быстро мне удалось восстановить зрение.

Меж тем Доктор времени зря не терял. Освободив труп от автомата, он деловито извлекал из его карманов снаряженные магазины. После чего, слегка оттянув затвор, и убедившись в наличии патрона в стволе, он вопросительно взглянул на меня. Чтобы понять смысл его взгляда, слова не требовались. Отрицательно покачав головой, я показал ему зажатый в руке нож, после чего качнул головой на вход в корпус.

Да и действительно, не зря же про стройбат шутят, что там служат такие звери, что им даже оружия не доверяют. В плане обращения с оружием у Доктора опыта больше, а за отсутствием саперной лопатки, для меня нож привычней. Намного важней, что к входу в корпус он последовал за мной без сомнений, прекрасно осознавая, что на благополучный исход подобной авантюры рассчитывать не приходится.

Возможно, причиной тому послужило то обстоятельство, что по своей природе мы оба являлись хищниками. Конечно, и хищник, столкнувшись с превосходящим его по силе противником способен уклониться от схватки. Однако, почувствовав вкус крови, он неизбежно становится жертвой своих природных инстинктов. И стремление сомкнуть челюсти на горле своего врага, становится для него намного важней собственной безопасности. Вот и в глазах Доктора читалась та же холодная решимость, являвшаяся нашим общим проклятьем.

Заглянув из-за дверного косяка внутрь корпуса, я убедился в отсутствии противника в зоне видимости. Плавно скользнув в небольшой тамбур, расположенный за входом, боковым зрением я отметил последовавшего за мной Доктора, занявшего зеркальную позицию с другой стороны прохода. Дальше находилась лестничная клетка, с ведущим наверх пролетом лестницы. Показав Доктору на нее взглядом, я приблизился к проходящему через все здание коридору, в который с обеих сторон выходили входные двери комнат жильцов отеля.

Боевиков я еще не видел, хотя о месте их нахождения мог судить довольно точно. Мне пока открывалась лишь незначительная часть ведущего в обе стороны коридора, но обратив-

шись в слух, я все отчетливей представлял картину происходящего на первом этаже. Двое ваххабитов находились довольно близко, по одному с каждой стороны. Причем, дальше по обоим направлениям имелось еще несколько, с которыми находившиеся ближе к нам оживленно перекликались.

Прижавшись спиной к стене справа, я осторожно приблизился к коридору. Но до того как в поле моего зрения попал первый боевик, я увидел пленных туристов, сидевших вдоль стены прямо на полу. То, что руки у них были связаны за спиной теми самыми пластиковыми вязками, меня не удивило. Недоуменье вызвал тот факт, что головы всех пленников были плотно замотаны полотенцами, взятыми из номеров.

Впрочем, это я отметил краем сознания, потому как основным объектом моего внимания являлся боевик, которого я обнаружил в районе второй двери от прохода. По всей видимости, он присматривал за пленниками в своей половине коридора, как и второй, занявший зеркальную с ним позицию в другой половине от входа. А учитывая их оживленное общение с находившимися в глубине здания подельниками, оба стояли ко мне спиной, что нам с Доктором было более чем на руку.

Как и прежде, тот контролировал спуск с лестницы, краем глаза наблюдая за моими действиями. Подав ему условным жестом знак приблизиться, я попытался рассмотреть остальных боевиков. В коридоре их не оказалось, но судя по голосам, становилось понятно, что они находятся в комнатах. Видимо, вместо того, что бы контролировать первый этаж, для чего и были оставлены, занимаясь банальным грабежом, шаря в вещах туристов. Правильно говорят – жадность фраера губит. И в этом им вскоре предстояло убедиться на собственной шкуре.

Тем временем, двигаясь вдоль стены напротив, Доктор занял аналогичную со мной позицию, взяв под контроль боевика справа. Что-то объяснить ему не требовалось, лишь учитывая важность сохранения визуального контакта с целью, я указал ему на боевика справа, себе оставляя того, что слева по коридору. И после моего кивка, обозначающего начало действий, разминувшись встречными курсами, мы одновременно устремились к намеченным жертвам.

Стоявший ко мне спиной ваххабит как раз прокричав что-то вглубь коридора, наверняка даже не почувствовал моего приближенья. Да и разделявшая нас дистанция в пять метров не оставляла ему шанса успеть среагировать. Первым делом, закрыв боевику рот левой рукой, я забросил правую, обхватывая его шею спереди, беря ее в полный замок. После чего обратным движением правой руки, держа лезвие точно под прямым углом по отношению к руке, как консервным ножом вскрыл горло противника, что называется “от уха до уха”.

Только, наученный горьким опытом, на этот раз я успел заблаговременно отпрянуть, по крайней мере, в этот раз в лицо мне ничего не прилетело. Конечно, нападение сзади выглядело грязно во всех смыслах. Но, не мы первые начали, к тому же, только в кино человек умирает, как только в него втыкают ножик. А в данной ситуации следовало действовать без осечек, гарантированно обезвредив противника. Поэтому нанес такой удар в первый раз, да и сейчас не стал ничего изобретать.

Уже перешагивая через начавшее падать тело боевика, я задержал свою руку на подбородке противника. И уже когда почти миновал тело, на противоходе, резко дернул его голову на себя. В конечном результате я не сомневался, но видимо с непривычки, почувствовать хруст сместившихся позвонков удовольствием оказалось ниже среднего. Главное, по времени это ничего не стоило, а гарантий предоставляя в разы. Несмотря на собственную занятость, я в общих чертах представлял, где находится Доктор. В момент, как тело моего противника находилось еще в вертикальном положении, с его стороны донесся лязг от сильного удара тяжелым предметом.

А учитывая, что гарантировано проломив голову своему противнику прикладом, оставившись он не станет, следовало поторапливаться и мне. Забрать автомат убитого мной боевика и мысли не возникло. Во-первых, пока будешь выпутывать его из ремня, теряется визу-

альный контакт с целью, и в результате оттуда может крайне не вовремя кто-нибудь появиться. А во вторых потеря темпа. Достигнув комнаты, откуда слышался разговор, я увидел, что Доктор уже решительно входит в намеченную им комнату. Сейчас он откроет стрельбу, а потому отстав от своего стремительного поделника лишь на доли секунды, я ворвался в распахнутые двери коридорчика прихожей.

Ожидать, что противники всегда будут стоять спиной, выглядело наивно. Что наглядно продемонстрировала диспозиция первого боевика, стоявшего ко мне правым боком в конце прохода. Разделявшее нас расстояние в пару метров я преодолел мгновенно, что он не успел начать разворачиваться мне навстречу. А оказавшись к нему вплотную, первым делом я схватил левой рукой висевший у него на плече автомат. Подсознательно вцепившись в автомат со своей стороны, ваххабит на мгновение зафиксировал свое положение, чего я и добивался. В момент удара боевик стоял ко мне боком, что значительно повлияло на точность его нанесения. Ведь попасть следовало точно в глаз, не забывая, что кругом все-таки кость. Но опасения оказались напрасны, попал точно, и все лезвие, и даже часть ручки неожиданно легко провалились в глубь черепа. Сомневаться, что удар достиг своей цели – мозга, не приходилось. Противник внезапно начал оседать, и я еле успел выдернуть нож из его глазницы.

Все происходило на глазах второго боевика, хоть и опешившего от неожиданности, но по мере моего приближения попытавшегося схватившегося за автомат, лежавший рядом с ним на кровати. Уже отработано я положил руку на его кисть, не только фиксируя автомат на кровати, но и получая контроль над его движениями.

И когда он, как и напарник по грабежу, собирая силы для рывка, на мгновение застыл, я нанес удар ножом под подбородок, направляя его в сторону мозга. Противник как-то неопределенно замер, и тогда я добавил, ударив снизу по торчавшей рукоятке раскрытой ладонью, загоняя нож еще дальше. Этого хватило с лихвой. Тело начало заваливаться назад, и я едва успел, захватив за торчавшую часть ручки, резким рывком высвободить нож из головы своей жертвы.

Невольно мой взгляд упал на автомат, оставшийся лежать на кровати. Вспомнив действия Доктора в подобной ситуации, я сразу заметил рожок патронов, видневшийся под распахнутым пиджаком боевика. Отработанным движением кисти, несмотря на его липкость, я закрыл лезвие внутри ножа, и сунул его в карман.

Вытащив магазин из-за пояса бандита, я осмотрел его, после чего надавил на верхние патроны, желая выяснить, насколько он полный. Опустившись совсем незначительно, патроны остановились, в то время как я обнаружил еще один интересный факт. С выпуклой стороны магазина в самом низу имелась маленькая дырочка, которую я сразу отметил по металлическому блеску внутри. А стоило патронам сместиться вниз, как в дырке тоже началось движение. Когда я отпустил патроны, и они встали на место, я сообразил, что в дырке виднеется часть капсюля последнего патрона.

Тогда, взяв автомат, я заглянул в дырочку пристегнутого к нему магазина. Как будто предчувствуя, что здесь блеска капсюля не увижу, я отстегнул магазин, и сунул его в задний карман шорт. Пристегнув к автомату новый магазин, модничать как Доктор, проверяя наличие патрона в стволе, я не стал. Ибо в памяти имелась четкая инструкция отводить затвор до конца, и отпускать не сопровождая. Однако боковым зрением проследив, куда упадет патрон, и подсознательно запомнив это место. Притом, что боеприпасов на двух убитых боевиках хватало. Захватив с собой еще два полных рожка, я направился в коридор.

Это чувство меня никогда не обманывало. Да, вроде все в елку, булки можно разжать, но это свербящее дурное предчувствие. Вроде как, уходя, забыл дома что-то важное, и избавиться от этого навязчивого ощущения никак не удастся. Меж тем времени на раздумья особо не оставалось, и выяснять причину явившихся предчувствий приходилось на ходу.

Оказавшись в коридоре, я вполне ожидаемо увидел моего стремительного друга, уже занятого освобождением туристов. Окинув взглядом оба ряда сидевших поблизости пленников, я сразу остановился на одном из них. Приблизившись, я приподнял рукав футболки на его густо покрытой веснушками руке, и ожидаемо увидел там герб ВДВ. Я сдернул полотенце с его головы, и пока он привыкнет к свету, сдернул полотенца с сидевших поблизости мужиков. Когда я вернулся к рыжему десантнику, он уже освоился, и смотрел по сторонам, уверенно фиксируя внимание на предметах.

Вот только, когда я к нему приблизился, он сначала взглянул на меня как-то с опаской, правда, потом вроде освоился. Да и общались с ним мы не особо долго. Достав из кармана Бабочку, и привычным движением кисти раскрыв, я перерезал затянутую до предела пластиковую удавку.

– В комнате автомат, – произнес я, и кивком головы указал в которой.

Он даже затекшие после длительного сиденья на полу ноги разминать не стал. Так и рванул на подгибающихся ногах, благо в комнатном проходе двигаться прямо было уже легче. Стоило забыть о терзающем меня предчувствии, как в памяти вдруг всплыл момент нападения на наш корпус. Пулемет! Ну конечно, я ведь еще тогда подумал – на что им здесь пулемет. По этажам с ним особо не побегаешь, да и пользоваться им в помещении, мягко говоря, не совсем удобно. Значит, для обороны, а самое подходящее для него место – это вход с торца корпуса, обращенного на пляж. Иными словами, возможно, он рядом, и не проверить подобной наводки я, конечно не мог.

Тем временем я уже разрезал стяжки тем, с кого раньше снял полотенца, отдав нож одному из них.

– Освобождайте мужиков, те пусть баб своих распаковывают, и присматривают, чтоб никуда не разбредались, – коротко проинструктировал я.

Я находился примерно в центре своей половины коридора, и не раз ходя этой дорогой к пляжу, помнил расположение небольшой, ступеней в пять, лестницы вниз, и небольшой тамбурок на выходе. А отсутствие всякой реакции с той стороны объяснялось тем, что находясь ниже уровня пола, оттуда просматривался только небольшой участок коридора.

Продвигаясь мимо спеленатых фигур пленников, я старался производить как можно шума. Не видишь – слушай. Наука не хитрая, а как порой актуальная. Еще не приблизившись к потенциально опасному участку, по доносящемуся оттуда неясному пыхтению и бормотанию, я убедился, что в тамбуре на входе действительно кто-то есть. Последние метры я преодолел в полуприсяде, чтобы до конца оставаться в непросматриваемом пространстве. Однако, ритм шума, доносившийся из тамбура, никак не менялся, что указывало, что мой визит станет полным сюрпризом.

Рванув с места, я оказался на спуске с лестницы, и от открывшейся мне картины просто оцепенел. Гадая о характере шума, я допускал, что он там молится, но предположить, что градус погружения в транс настолько велик, я оказался не готов. Несмотря на всю пикантность ситуации, вначале захотелось рассмеяться. Охренеть, охраннички! Одни мародерствуют, другой вон притащил себе на пост пленницу, и использует ее в свое удовольствие, что называется без отрыва от производства.

Поставив молодую девушку на колени, он упер ее голову в ступени, а сам пристроился сзади, причем, не удосужившись даже развязать ей руки, и снять с головы полотенце. Стоя ко мне лицом, он сразу меня увидел, вот только, видимо находился не на пике своей боеспособности, а потому никаких осознанных действий предпринять не успел. Он только потянулся к своим спущенным штанам, как оказавшись почти вплотную, я рубанул очередь из автомата поперек его корпуса.

Если честно, то первое ощущение от использования автомата в боевых условиях меня не впечатлило. За тоже время я уже минимум дважды убил его и ножом. О том, что ствол будет

уводить в сторону, я знал. Но крепко держа его во время стрельбы, добился, чтобы все пули поразили цель. Хотя, с двух метров промазать сложно, даже стреляя навскидку. Всего я всадил в своего противника пуль семь, но лишь в середине очереди он начал заваливаться назад, а на полу оказался, когда я уже прекратил понапрасну жечь боеприпасы.

Наконец я понял, что меня смущало относительно эффективности автомата. В отличие от ножа, ты не можешь быть абсолютно уверен в том, что задеты жизненно важные органы, а потому нет полной гарантии результата. Хотя, кажется, один способ убедиться имелся. Подойдя к распростертому на полу тамбура телу со спущенными штанами, я произвел короткую очередь ему в голову.

Короче, просто со стволом жизнь становится проще, а я привык воевать, как завещал Суворов – не оружием, а умением. Правда, стоявший в дверном проеме пулемет тут же несколько пошатнул мои принципы. Вот здесь чувствовалась фатальная мощь, заключенная в оружие, только таскаться с ним быстро покажется каторгой, и пошатнувшееся мировоззрение вновь вернуло свои позиции.

Подойдя к забившейся в углу лестницы пленнице, я сдернул с ее головы полотенце. После чего вернулся к трупам боевика и вытащил висевший на его поясе нож, к которому тот и потянулся перед смертью. Хотя нож – это мягко сказано. Оценивая оглядев извлеченное мной “сажало”, длины которого с лихвой хватало проткнуть человека насквозь, я испытал целую гамму эмоций. Непонимание, зачем может вообще понадобиться такая сабля, к тому же жутко неудобная в драке. И восхищение от готовности таскать повсюду этот нелепый предмет, якобы придающий тебе мужественности.

Впрочем, для моих целей он вполне мог согдаться. Подойдя к уже проморгавшейся пленнице, я попытался перерезать ее наручники. Поначалу, увидев мое приближение, она испуганно отшатнулась, но после укоризненного взгляда позволила себя освободить. Первым делом, схватив полотенце, что я снял с ее головы, и стыдливо прикрыв свой жуткий беспорядок в одежде.

Освобождая пленницу, автомат я повесил на плечо, и теперь, держа в правой руке ятаган моджахеда, левой рукой поднял пулемет за имевшуюся на ствольной коробке ручку. Уже уходя, я снова взглянул на забившуюся в угол девушку. Следы первоначального страха бесследно развеялись, однако в глазах читались явные признаки приближавшейся истерики.

– Забудь! – предельно уверенно сказал я, чтобы у нее не осталось сомнений в правоте моих слов.

Да, и вообще, не до сантиментов. Взбежав по лестнице, я окинул взглядом коридор. Волна освобождения сюда еще не докатилась. Поэтому выбрав первого крепкого мужика, освободил его, оставив ятаган пулеметчика и краткую инструкцию, устремился к центральному выходу. Народ уже активно суетился в проходе, освобождая все новых пленников. Ну а потому как на мою обвешанную оружием особу, трудно было не обратить внимания, я быстро привык, к тому, что народ испуганно расступался при моем приближении.

Достигнув выхода, я ожидаемо обнаружил там Доктора. Тот уже командовал небольшим войском, в которое входил и освобожденный мною рыжий.

– Где был? – спросил Доктор, окинув взглядом принесенный мною пулемет.

– Да так, чуйка сработала, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

Количество бойцов с оружием предположить было несложно. Кроме меня и Доктора, оружие досталось рыжему десантнику, и еще четверым туристам. Зато имелось множество добровольцев с колюще-режущим оружием, причем настроенных довольно решительно. Вот и отнять свою Бабочку у меня рука не поднялась, настолько целеустремленный вид имел ее обладатель, уверенно сжимая рукоятку моего ножа.

Да бог с ним, пусть играет, может и будет толк. Все равно в рукопашной доставать нож некогда, да и зачем, когда в руках такой аргумент. Я уже прибрал, как можно и без патро-

нов приложиться так, что если не наглухо, то надолго. Вместо этого я решил заняться судьбой принесенного пулемета, попутно решив еще одну первостепенную задачу, чем и занялся, пользуясь общим вниманием.

– С пулеметом кто-нибудь умеет обращаться? – спросил я, ставя пулемет на пол, благо сошки я не складывал.

– А чего тут уметь. Пулемет он и в Африке пулемет, – выступил вперед один мужик из ополчения, и присев рядом, ловко и умело передернул затвор.

– Вход твой, – кратко обрисовал я его задачу.

На что тот лишь уверенно кивнул, уже выбирая позицию наметанным взглядом. После чего я внес свои предложения по проведению операции. Не получив другой реакции, кроме как молчаливый кивок каждого, я закончил доукомплектовывать магазин автомата, прицелкнул на место, и устремился вверх по лестнице.

Радовало одно. Оказавшись на самой лестнице, отчетливо прослушивалось, что захват верхних этажей в самом разгаре, поскольку преимущественно оттуда доносились звуки стрельбы и надрывание глоток на лающем языке. Значит, и на втором этаже не намного больше противников, чем было на первом. Стоявший на межэтажной площадке нескладный паренек, при дележке оказавшийся в моей команде, увидев, что мы двинулись вверх по лестнице, не став дожидаться общей группы, устремился вперед.

Впрочем, делая это настолько естественно, в своей настороженно-опасливой манере передвигаться, что поневоле получил кликуху Фара, как и рыжий, сам напросившийся в мою команду, для меня уже стал Костром. Просто мне так легче запомнить, вот значит и им придется привыкать.

На лестничную площадку входили по утвердительному кивку Фары, уже выяснившего местоположение ближайшего противника. Потому нечему было удивляться, что когда мы ворвались в коридор, первым выстрелил он. В левом коридоре, который предстояло атаковать нашей группе, меж рядов пленников медленно оседал боевик. На входе бросив взгляд вправо, я увидел, что в той половине противника не видно, видимо, мародерствовали все, и скорей всего находились в разных комнатах.

Ну, это уже проблема Доктора, у меня своих забот хватало. Двигаясь вслед за Фарой, я тщательно прислушивался, надеясь выяснить местоположение противника. Прогремевшие позади автоматные очереди заставили меня невольно поморщиться. Но следом что-то звякнуло в одной из комнат впереди, и мое лицо немедленно прояснилось.

Видимо не просчитал Фара, что кто-то может решить выяснить что происходит. Потому его очередь безнадежно запоздала относительно моей, стоило в проходе показаться фигуре ваххабита. Однако в комнату первым заскочил Костер, воспользовавшись нашей заминкой со стрельбой. Его очередь прозвучала, когда я только увидел боевика, находившегося в комнате. Несложно догадаться, что это были его последние мгновения. В дальнем конце правой половины коридора раздалось еще пара автоматных очередей, после чего все стихло.

Вокруг уже происходил оживленный раздел оружия, а непонятно откуда взявшиеся добровольцы освобождали пленников. Направившись к лестничной клетке, вскоре я увидел там Доктора с его командой. В двух словах я предложил на выбор брать третий этаж, рискуя спалиться, и вести бой с ожидавшим тебя противником, либо брать оба оставшихся этажа разом. Сам я предпочел последний вариант, на том основании, что в узком проходе много народу и не нужно, а стволов у нас теперь хватает.

Действовать предложил в прежнем составе, только атакуя четвертый этаж, в то время как получившие стволы сейчас, захватят третий. Наши группы тоже оказались усилены, да и почти сразу начали подтягиваться освобожденные, вступающие в ополчение. Ножи и кинжалы переходили к ним от тех, кому посчастливилось обзавестись огнестрельным оружием. И именно большей части обладателей холодного оружия предстояло участвовать вместе с нами в захвате

четвертого этажа. Стрельба вроде стихла, но основная масса боевиков продолжала находиться там. А для молниеносного захвата и зачистки этого уровня требовалось больше народу.

Не мешкая, я дал команду на выход. Фара уже извелся, привычно поджидая нас на межэтажной площадке. Потому мимо третьего этажа прошли под одобрительный кивок Фары, уже разведавшего обстановку. Но и к четвертому этажу он умудрился сохранить лидерство, и когда я достиг входа, уже высматривал первого противника.

На этаже царил полный хаос. В плотных слоях пороховой гари, тяжелым маревом повисших на всем протяжении коридора, мелькали смутно различимые фигуры боевиков. На наше появление, похоже, никто не обратил ровным счетом никакого внимания. И даже Фара не стал стрелять первым, ожидая, пока другие выберут цели. А дальше я на автомате выполнял самим же собой поставленную задачу. Продвигаясь вперед со всей возможной скоростью, нанести противнику наиболее ощутимый урон, после чего оставшихся за спиной живых боевиков добивала группа поддержки.

По крайней мере, подобная тактика являлась наиболее скоротечной, соответственно и реакция противника подчас безнадежно запаздывала. Хотя, конечно, пострелять нам пришлось. Ухудшая и без того критическое состояние атмосферы этажа, наверно каждый из нас выпустил по магазину патронов. Крутясь, как заведенные, стреляя на автомате, порой раньше, чем успеваешь сообразить, мы неожиданно достигли конца коридора. Зачистив последние комнаты, мы никак не могли до конца поверить случившемуся.

Бросившись помогать следовавшей за нами группе, мы почти сразу убедились, что это совершенно излишне, скорее они сами готовы помочь. Кругом находилось неожиданно много вооруженных ополченцев, словно только и желавших, чтоб в кого-нибудь пострелять.

– Займитесь пленными, – бросив напоследок ничем не занятой массе народа, я направился к центру коридора.

На этот раз Доктор оказался там первым, возможно, потому что с его стороны коридора противника оказалось меньше.

– Ты бы умылся, а то если раньше просто страшно смотреть было, то теперь вообще на зомби стал похож, – встретил Доктор необычно хмуро.

Наконец ко мне пришло понимание, почему народ реагирует на меня столь неоднозначно. Запекшаяся кровь первого убитого мною боевика по-прежнему покрывала почти все лицо, а теперь, подсохнув, начала шелушиться, от чего я и сам ощущал легкий зуд.

– Да я бы и в баньку сходить не отказался, – ответил я, без паузы добавив: – Что, есть потери.

– Двое ранены, но не тяжело, да и у тебя, я гляжу, раненые есть, – ответил Доктор.

– Сам понимаешь, это не самый худший вариант из того, чем все могло закончиться, – заключил я.

Подняв с пола полотенце, я остановил торопившуюся мимо девушку с бутылкой воды. Привычно встретив ее испуганный взгляд, я намочил угол полотенца водой, после чего отдал бутылку девице. Время неуклонно уходило, а потому кивнув Доктору и уже ставшим привычным для нас ближнему окружению, оттирая мокрым полотенцем присохшую кровь, направился на первый этаж.

Во время спуска вниз, нас встречала атмосфера дисциплины и организованности. На каждом лестничном марше следовали доклады о ситуации на этаже, а мы оставляли краткие инструкции. Это ни в коем случае не выходит на балконы, особенно с внутренней стороны. Да и в сами комнаты с той стороны тоже лучше не входить. Потому пока добрались до первого этажа, имелась возможность и подумать, и отвлечься, и снова подумать.

Даже учитывая степень понимания, насколько бесперспективным делом мы здесь занимаемся, смысла в наших трепыханьях ноль, разве что умрем в бою, а не с перерезанной глоткой. Взять один корпус для ваххабитов не составит особого труда, а в мои планы входило пожить

чутьочку подольше. Потому и действовать начал сразу, как только мы закончили спуск, потому как время сейчас работало против нас.

Войдя в комнату, где завалил двоих Бабочкой, начав стаскивать с моджахеда не замаранный кровью пиджак, я посвятил всех в суть своего плана. Однако по одним только моим первоначальным действиям многие сами сообразили, что скоро наименее запачканные вещи боевиков станут жутким дефицитом, и решили времени зря не терять. Я планировал проникнуть в противоположный корпус под видом боевиков, преодолев внутреннюю площадку, контролируемую пулеметчиком.

По растерянному взгляду Доктора многое становилось понятно без слов. Маскарадного костюма такого размера в этом корпусе точно не найти, не говоря уже о том, что подобными габаритами никто из напавших на нас боевиков не обладал. Но я поспешил успокоить его, потому что и для него имелась работа.

Ведь основной целью являлся главный корпус, и именно ему предстоит подготовить нападение в том направлении. Причем, как совместными силами, так и действуя самостоятельно, если у нас что-либо пойдет не так. Главным его козырем являлась дверь с торца корпуса, расположенная точно напротив служебного входа в главное здание. Не забыв наказать, чтобы вскрывали ее аккуратно, в то время как кто-то следил за пулеметчиком. Скривившись, как от зубной боли, Доктор без слов показал, какого он мнения обо всех этих поучениях. Но после того как я предложил еще поискать проход со стороны забора, несколько порасправил лицо.

Впрочем, по-прежнему хмуро наблюдая за нашими приготовлениями. Я переоделся первый, и теперь придирчиво давал распоряженья тем, кому удалось обзавестись бандитским нарядом в приличном состоянии. Повезло, конечно, самым шустрым, что и являлось главным критерием при отборе. Все равно желающих оказалось больше, чем я планировал взять на эту операцию.

Однако ряженные могли пригодиться и Доктору, что я незамедлительно ему и озвучил. Искра понимания, какие перспективы открывает такая идея, сразу зажгла в его глазах знакомый охотничий азарт. А то обиделся он. Как дети малые, чес слово, сами себя занять не могут. Как будто у меня своих забот хватает.

Приготовление к операции шли полным ходом. Непонятно откуда набежавшие девахи заштопывали рваные края одежды прямо на бойцах, ничуть не смущаясь своих перепачканных кровью пальцев. А потом еще и пятна крови оттирать умудрялись. Поймав одну такую добровольную помощницу, я сделал ей персональный заказ. Восемь белых ленточек, сантиметра по два шириной, и примерно полметра длиной. Проникнувшись важностью задания, девушка умчалась выполнять, а я, влекомый чувством, что что-то пропустил в комнате с убитыми боевиками, двинулся туда.

Теперь на мне был одет не только пиджак и шаровары моджахеда, но и разгрузка, которую добыл для меня Костер. Стоило войти в комнату, как они сами попались мне на глаза. Сияя невинно-чистой белизной, эти предметы изначально несли зло, и подобный диссонанс не мог оставить равнодушным. Взяв весь неистраченный пучок вязок, я привесил их на разгрузку так, чтобы их мог видеть пулеметчик.

Теперь появлялась причина, почему мы направлялись в другой корпус. Мои действия не остались незамеченными, и вскоре некоторые из бойцов добавили к своему наряду подобный элемент. Я только посоветовал собирать пучки объемней, вешая тем, кто пойдет со стороны пулеметчика. Тем временем подоспела деваха с ленточками, нарезанными, судя по попадавшимся стразам, из ее футболки. Обернув Фаре ленту два раза выше локтевого сгиба, я завязал концы неприметным узлом без хвостиков, и отошел оценить результат. Получилось неброско – лента частично скрывалась в нависавшей над ней складке, порой скорее угадываясь. Пока я любовался, все ленты уже разобрали, и Костер любезно завязал одну из них мне.

И как только я убедился, что все готовы и заняли свои места, возглавляя забег, рванул первым. В то, что пулеметчик купится на наш спектакль, я был уверен на все сто, да и видеть нас он мог только сбоку. А вот к охраннику у входа в корпус напротив, мы будем приближаться точно лицом. Особо рязанские физиономии замотали в арафатки, но взглянув перед выходом в зеркало, я решил лица вообще не закрывать, хоть и пойду первым.

Кровь с лица я не смыл, а скорей размазал, очистив в основном пространство вокруг глаз. Остальное оказалось размыто в какой-то замысловатый камуфляж, в результате чего рассмотреть мое лицо становилось практически невозможно. А желая усилить психологический эффект, я даже очки надевать не стал. Решив попытаться загипнотизировать охранника, как кролика. Пока сплоченной кучей, мы дружно бежали к мостику, нас мог видеть только пулеметчик, с которым, похоже, проблем не возникало.

Вот только, видимо, страдая от безделья, он поднял руку, с назидательно выставленным указательным пальцем, после чего хрипло и вполне предсказуемо проорал: “Аллах Акбар”. К подобному повороту мы были готовы, и уже взбегая на мостик, я и еще несколько бойцов, повторив его жест, недружно проорали в ответ нечто подобное. Тем не менее, нашего заводилу такой ответ вполне устроил, и он остался нести службу дальше, предпочитая не вникать в то, что его не касается.

Уж не знаю, насколько мне удалось загипнотизировать охранника взглядом исподлобья, поскольку голову я слегка наклонил, якобы от тяжелой нагрузки, однако, до последнего момента он так ничего не понял. Свою горячо любимую Бабочку я уже отследил и вернул себе, поэтому вытащил ее из кармана, и приготовился развернуть. Ну а со стороны пулеметчика было не разглядеть, куда девался охранник, когда он скрылся в образовавшейся давке на входе. А меж тем он оказался буквально занесен вместе с нами, пойманный за печень на лезвие моей Бабочки. После чего я окончательно уgomонил его, добавив еще пару раз уже в тамбуре на входе.

Завертевшийся дальше круговорот событий описать было трудно. Стремительные взятия этажей чередовались вынужденными паузами, пока мы рекрутировали новых бойцов под добытые в бою автоматы. Брали, понятно, только желающих, остальные оставались освобождать пленников.

Вот и сейчас, овладев вторым этажом, не желая пренебрегать проверенной тактикой, мы готовились к атаке на оставшиеся два одновременно. Пользуясь моментом, я инструктировал ополченцев с первого этажа, и подтянувшихся со второго, когда сверху раздались голоса. Вернее, сначала насторожился Фара, а потом по доносящемуся топоту и возбужденным голосам стало понятно, что сверху кто-то спускается. Шли с четвертого, и вполне могли свернуть на третий. Фара оттянулся с площадки, чтобы не отсвечивать. Но поняв, что на третий этаж боевики не пошли, продолжив спуск, своей спешившей троицей мы начали подниматься им навстречу.

Пересеклись мы, как и предполагали – на межэтажной площадке, но стараясь не показывать лиц, якобы попытались пройти мимо. Не важно, что в спускавшейся троице нас не устроило – заподозрили, или сочли невеждами. Мы просто не стали разбираться, а одновременно атаковали их на ножах, сделав все быстро и тихо. Все шло к тому, что сейчас боевики могут повалить всей толпой, а значит, времени ждать не оставалось. Поэтому, не тратя времени зря, мы всей своей разношерстной бандой рванули в атаку.

Половина отделилась на третьем этаже, но давая нам время достигнуть четвертого, пока не входили, имея возможность осторожно оглядеть проход. На четвертый входили как всегда ходом, поэтому стрельбу открыли почти одновременно. Действуя как бездушный автомат, я вновь выполнял привычную задачу, зная, что от ее неукоснительного выполнения зависит не только моя, но и чужие жизни.

Основной сложностью захвата этажей служило то, что двигаться там приходилось только по прямой, и желательнее ближе к середине, чтобы не подставлять сидевших у стен пленников под шальную пулю. Вот только в захвате этого корпуса я испытал истинное удовольствие от преимущества действий в наряде боевиков, что дало нам дополнительную фору при прохождении четвертого этажа. Часто противник до последнего момента не успевал понять, что происходит, и где вообще находится враг. А если и находились настолько сообразительные экземпляры, то ненадолго, и редко кто из них вообще успевал открыть ответный огонь.

Но именно на этом штурме, мы понесли первые невосполнимые потери. Ворвавшихся в комнату двоих добровольцев с первого этажа, одной очередью положил отползший туда раненый боевик. Одному прошило грудь, и он умер почти сразу, в случае со вторым обошлось ранением в плечо. Впрочем, раненых и без того хватало, причем в основном из необстрелянных новичков. Но досталось и одному из нашей команды ряженных, что и не удивительно, ведь нам пришлось действовать на самом остром атаки.

Меня на ходу старые магазины на полные, пока не объявились другие претенденты на трофеи, первым делом я вновь устремился к выходу. При этом, на каждом этаже приходилось ненадолго тормознуться, давая краткие инструкции. Хотя на первом этаже нас встретила атмосфера организованности, позволив сразу приступить к подготовке очередного этапа моего плана.

Сначала требовалось выяснить, как обстоят дела с дверью в торце корпуса, выходящей на главное здание. Как и следовало ожидать, она оставалась заперта. Но в соответствии с моим планом оставляя большую часть бойцов именно там, я был уверен, что к нужному моменту она будет открыта. Пытаться обойти здание сзади я не решился, так как этот участок просматривается из окон соседнего отеля. Поэтому и действовать им придется только после того, как мы обезвредим пулеметчика на террасе.

В то время как мы втроем пошли с главного хода, беря не столько наглостью, сколько спекулируя на остатках сочувствия и сострадания. Подхватив долговязого Фару под руки, словно раненого, мы с Костром с демонстративной натугой, как можно более спешно производили эвакуацию. Опустив голову, словно прилагая максимум усилий, искоса я неотрывно следил за пулеметчиком. Тот, похоже, ничего не подозревая, лишь провожал нашу группу сочувствующим взглядом, постепенно смещаясь нам навстречу в сторону лестницы.

Фара, в обязанности которого входило исполнить роль тяжелораненого, безбожно нам подыгрывал, уж очень часто для практически бессознательного тела выполняя рефлекторные шаги. Но только я хотел внутренне рассердиться за подобное легкомыслие, как увидел такое палево, от наглости которого даже возмутиться не смог. Пользуясь тем, что наблюдавший за нами пулеметчик отвернулся от первого корпуса, из двери с торца в сторону служебного входа одна за другой промелькнуло несколько фигур.

Ну а если учесть, что аферу с тяжелораненым я придумал уже во втором корпусе, значит, Доктор все понял, и уже начал действия по захвату главного здания. Единственное, что мы обговаривали, так это необходимость захватить его не то чтобы без стрельбы, а без внешних проявлений, стараясь не привлекать внимания с улицы. Какой бы не стоял кругом бардак, но вид туриста, стрелявшего в моджахеда без внимания не оставят, это точно.

Видимо даже имитация усилий может реально утомить, а потому выйдя к основанию лестницы, мы с Костром выглядели порядком измотанными даже для самого строгого взгляда. Потому и устроенная нами в начале подъема заминка с общим падением выглядела достаточно правдоподобно, чтобы измаявшийся от безделья пулеметчик “повелся” и кинулся помогать. Сложно описать, какое в тот момент я испытал облегчение, причем, не теряя времени, скользнув рукой в карман пиджака за Бабочкой.

Стоило пулеметчику покинуть зону видимости из фойе, он был уже обречен, причем, что не помешало нам дать ему возможность приблизиться самому. Перехватив протянутые

руки помощи, мои ассистенты зафиксировали пациента, после чего я, не давая ему вскрикнуть, потянул его голову вниз, прижимая нижнюю челюсть к груди. Последовавший удар Бабочкой в основание черепа не только напрашивался сам собой, но и полностью оправдал все возложенные на него ожидания. Наглядно демонстрируя гарантированный результат, не допуская мысли о необходимости правки. Хотя эта рыжая бестия Костер, как только я выдернул нож, успел сломать шею уже падающему телу.

Оставалось подождать, когда подойдут остатки группы ряженных, атаковавших с нами второй корпус, как только мы устранили пулеметчика, бросившихся к нам из открывшейся двери с торца корпуса. Остальная пестро одетая масса вооруженных туристов столь же решительно бросилась к служебному входу напротив. Но, под действием ничем не объяснимых побуждений, я сразу направился вверх по лестнице.

Несложно догадаться, что поднявшись на террасу, со стороны первого корпуса я увидел подобную картину, вот только ряженные оказались ближе, уже поднимаясь по лестнице со своей стороны. Похвалив себя за вовремя сработавшую чуйку, благодаря которой наша тройка смогла всех опередить, войдя в фойе первыми. Несмотря на деликатный характер предстоящей операции, тактику я решил не менять, учитывая преимущество от использования маскировки, позволявшей запросто находиться среди врагов.

Вопреки всем прогнозам, фойе встретило нас неожиданно немногочисленным присутствием сил противника. По крайней мере, на входе где располагался лобби бар, вообще никого не было, видимо сказывалась религиозная неприязнь к спиртному. Основная активность боевиков отмечалась ближе к ресепшену, где на свободной площадке посреди фойе они переставляли какие-то ящики.

Занятые работой, похоже, они не обратили на нас никакого внимания, что позволило ликвидировать как грузчиков, так и моджахеда, уже обосновавшегося на посту охраны, без стрельбы, пользуясь лишь ножами. Оттаскивая тело охранника подальше от входа, я боковым зрением наблюдал картину всеобщей активности. Из служебных помещений уже раздавались звуки стрельбы, да и смешанная группа ряженных и одетых в свое туристов, мощным потоком заполнила лестницу на верхние этажи.

Скорей всего там присутствие противника было маловероятно, но проверить все помещения не помешает. Вскоре начали появляться группы, вошедшие в здание со стороны служебных помещений первого этажа, что означало успешный захват всего здания. С одной из первых пришел Доктор, благоразумно не ставший приближаться близко к выходу, предпочитая держаться в глубине фойе.

Поверить в случившееся было невероятно сложно. Снаружи отеля жизнь шла своим чередом, правда, если подобное сравнение применимо к оккупации города террористами. Кругом раздавались звуки боя, что видимо и позволило осуществиться нашему плану, а возможно, поможет и дальше оставаться необнаруженными. Словно инородному телу, заключенному в защитный кокон величиной с отель.

В отличие от стеклянной стены фойе с внутренней стороны отеля, с уличной стороны большей частью оставалась целой. Отсутствовал только один пролет рядом с вертушкой, да и то, возможно, проделанный для удобства переноски ящиков. Откуда появились ящики, догадаться оказалось не сложно, стоило взглянуть на два припаркованных у входа грузовика «Ман». Пользуясь одетым на мне камуфляжем, я вышел на практически безлюдную улицу, и проверил грузовики на предмет наличия в нем живой силы противника, которую следовало преобразовать в мертвую.

По дороге изредка проезжали машины, вот только не привычные желтые такси, а в основном пикапы с крупнокалиберными пулеметами в кузове, либо тентованные грузовики. Причем, двигаясь в одном направлении, откуда и доносилась настоящая канонада. Судя по всему, основные бои шли ближе к центру, где находились административные учреждения. Отдель-

ными очагами перестрелок прослушивались отголоски боев, происходивших в жилых кварталах местных жителей.

Поднявшись по лестнице к входу в отель, я увидел, что за конторкой охранника занял место один из ряженных, в наиболее целом наряде. Остальные переодетые по-свойски хозяйничали в фойе, уже воздвигая в проломленной секции непонятно откуда взявшийся огромный стол, поставленный на попу. Теперь попасть внутрь стало возможно либо через вертушку, либо через открытую дверь рядом со стойкой охранника.

Кивнув охраннику на входе, войдя в фойе, я увидел, что еще одна группа ряженных под присмотром Доктора перетаскивает ящики вглубь помещения. Относительно их содержимого у меня не возникало ни малейшего сомнения, как в способности Доктора распорядиться всем этим самым наилучшим образом. Меня же сейчас интересовали совсем другие вопросы.

Из классических проблем: кто виноват, и что делать, первый в свете сложившейся ситуации вообще не имел смысла. А вот второй являлся наиболее актуальным. Подойдя к занятому разбором трофеев Доктору, я сказал ему, что хочу подняться на крышу. На что тот молчаливо кивнул, лишь всучив мне рацию, убедившись в правильности настройки канала. Последовавшим было за мной Фаре с Костром, я махнул остаться с Доктором, направившись к лестнице на верхние этажи.

На крышу не имевшие камуфляжа туристы выходить справедливо опасались, а те, кто имел, в основном находились в фойе. Поэтому на крыше я оказался в полном одиночестве, что как нельзя лучше соответствовало моему внутреннему состоянию. Прислушиваясь к шуму ведущегося вдалеке боя, по дымным следам пожаров я мог точно определить, где именно он происходит. По всему выходило, бой уже покинул центр города, все больше смещаясь к периферии.

Оставалось надеяться, что со стороны оборонявшихся соединений, это был спланированный маневр, а не хаотичное бегство. Но даже продержись они хоть месяц, пробиться к ним, нам явно не под силу, потому что с таким количеством народа попросту не дойти. Разделявший нас жилой квартал гудел как растревоженный муравейник. Там то и дело закипали стихийные перестрелки, как правило, заканчивавшиеся несколькими хлопками гранат, чтоб вскоре вспыхнуть с новой силой чуть в стороне.

Вряд ли кому было суждено понять смысл разыгравшегося внутри меня конфликта. С одной стороны, следуя на волне твердой уверенности в правильности своих действий, я добился настолько недостижимой, казалось бы цели. Но с другой стороны, в результате оказался в ситуации, как нельзя лучше объяснявшей визит пророческого кошмара в самолете. Вот только, пока оставались очаги сопротивления, возможность подумать имелось, в то время как исход боя за город от меня не зависел.

Все что мне оставалось, это постараться прочувствовать обстановку, слившись с окружающей реальностью. В надежде нащупать ту незримую нить, которой следует придерживаться, чтобы получить хоть ничтожный шанс выбраться отсюда благополучно. Вот только учитывая, что русские своих соотечественников не бросают, вероятность подобного исхода была ничтожно мала. В отеле находилось более семисот человек, и своими действиями я невольно взял на себя ответственность за их дальнейшую судьбу.

– Захотелось старику,
Топай, то-па-а-й,
Переплыть Москву-реку,
Кверху жо-пай.
А на том берегу,
Топай, то-па-а-й,
Бабка молится ему,

Кверху жо-пай.

– Чего ты там опять бормочешь? – пробурчал Доктор, прекрасно знавший о моей привычке напевать себе под нос во время размышлений.

А потому его вопрос относился скорее к конечному итогу сделанных мною выводов, а не к исполняемому репертуару.

– Ташено все как-то, бестолково..., через нее самую, короче, – позволил я прорваться собственному недовольству, пользуясь тем, что мы находились вдали от чужих глаз.

За последние три часа, что прошли с момента моего первого пребывания на крыше, ситуация изменилась мало. На другом конце города, по-прежнему, гремел бой, но похоже все больше скатываясь к окраине. Разбивая последние иллюзии относительно прихода помощи с той стороны. Ну а почему не стоит рассчитывать на вмешательство в ситуацию вооруженных сил государств, чьи граждане стали заложниками террористов, стало понятно после первых действий, предпринятых боевиками, захвативших отели поблизости.

Массовые казни, совершенные на пляжах обоих отелей справа, проводились как под копирку, не оставляя сомнений, что в других захваченных отелях происходит то же самое. Да и вспыхнувшая внутри соседнего гостиничного комплекса стрельба, сопровождаемая фанатичным многоголосым ревом, не могла означать ничего иного, как гибель еще нескольких заложников. Не оставляя сомнений, что подобные ролики сейчас наводнили Интернет, своей массовостью не позволяя усомниться в решительности намерений боевиков.

Вот только как убедить в бессмысленности ожидания помощи извне основную массу туристов, наотрез отказавшихся покидать отель, мне оставалось непонятно. В том, что необходимо уходить, я не сомневался ни секунды. Вот только и большая часть ополчения не желала покидать стены отеля, в которых они чувствовали себя в относительной безопасности. Все предпочитали ждать помощи от своих государств, потому как видели в этом единственный шанс вырваться из страны.

Осуждать их сложно, и поняв всю бесперспективность последующих уговоров, я смирился с уготованной нам судьбой. А как иначе, ведь это именно я освободил их всех из относительно безопасного плена, но получается только для того, чтобы гарантированно предать смерти. Но, даже тогда, настроенный изначально лишь дороже продать свою жизнь, я имел хоть и призрачную, но хоть какую-то надежду на спасение.

Теперь растаяла и она, оставив лишь сомнительное удовольствие пасть на поле боя, завалив пространство вокруг себя трупами поверженных тобой врагов. Однако, принимая столь важное решение, я был не вполне откровенен с собой. Надежда не умирает никогда, и если сейчас все против тебя, то главное не пропустить тот момент, когда удача вновь повернет в твою сторону свой благосклонный взгляд. А тогда уже рвать и метать, чтобы не упустить дарованный тебе шанс, землю рыть, если потребуется.

Из суеверного правила не загадывать наперед, я просто выкинул из головы лишние пока размышленья, погрузившись в водоворот забот, которыми жил освобожденный отель. Доктор, на которого обрушился весь груз основных забот, вопреки моим опасениям даже не думал “зашиваться”, спокойно и рассудительно руководя общими действиями. Да и то обстоятельство, что основная масса жильцов отеля являлись представителями русскоязычных рас, напрямую повлияло на довольно высокий уровень самоорганизации.

Учитывая мою специализацию, наглядно продемонстрированную при захвате отеля, по прямому профилю, на первый взгляд, работы для меня пока не наблюдалось. Конечно, у меня сразу родилось пара интересных мыслей, как усилить оборону отеля, тем более реализацией этих замыслов можно было загрузить Доктора, раз уж он теперь вроде как главный. Так даже лучше, ведь теперь у меня были развязаны руки, предоставив возможность заниматься тем, что я сам сочту наиболее важным.

Свой импровизированный штаб Доктор организовал прямо на улице, у основания лестницы на террасу, ближе к первому корпусу, забор за которым выходил на пустырь. Возглавив в мое отсутствие командование первым корпусом, он оказался настолько органичным в роли командира, что теперь уже и обитатели второго корпуса безоговорочно признали его лидерство. В то время как на меня, если кто и привык глядеть без опаски, то после моего демарша с предложением покинуть отель, вновь начали поглядывать с подозрением.

Впрочем, стоило взглянуть на содержимое ящичков, захваченных в фойе, становилось понятно выжидающее молчание Доктора при обсуждении моего предложения уходить. Хотя, из солидарности он вроде как был заодно со мной, но я сразу почувствовал, что уходить он и сам не хочет. Судя по всему, противник сразу подготовился к защите отеля на случай попытки освобождения туристов, и отнесся к этому вопросу довольно основательно.

Из всех представленных образцов переносных реактивных установок, я узнал только наши РПГ, а тот факт, что запасные выстрелы имелись только к нему, означал, что все прочие игрушки одноразовые. Да и патронные цинки с маркировкой калибра, наглядно свидетельствовали, что проблемы с патронами для калашей и пулеметов в ближайшее время нам не грозят. Я не увидел только взрывчатки, хотя гранат оказалось два ящичка, причем, тоже наши – Ф-1, и РГДшки.

Пользуясь возможностью, я поправил свой баланс патронов, получив у Доктора полные рожки взамен полупустых, оставшихся после боя. После чего, сказав Доктору, что не помешает проверить, что происходит на вахте, направился вверх по лестнице в сторону фойе. Занятый выдачей патронов Костру и Фаре, взявших за правило повсюду болтаться за мной, Доктор лишь кивнул, придиричиво разглядывая Татарина, присоединившегося к нашей команде во время взятия второго корпуса.

Не дожидаясь своих сопровождающих, я вошел в фойе, через оголившуюся металлическую конструкцию, словно выраставшую из кучи битого стекла. Дежурившие там охранники, в своем большинстве являясь ряжеными еще из первого корпуса, встретили меня с теплотой и пониманием. Вести всегда разлетаются быстро, и кажется, моих единомышленников здесь оказалось большинство. Но, быстро свернув образовавшийся политический диспут, я отправился на разведку.

Держась как можно уверенней, благодаря проверенным качествам своего наряда, я вышел на улицу, спустившись к дороге, с припаркованными у подъездной стоянки грузовиками. Татарин, которого я взял с собой, как наиболее похожего на моджахеда, ведя себя столь же непосредственно, по хозяйски обследовал кузова обеих машин, после чего скрылся в кабине одной из них.

Да и стесняться было особо некого. Ближайшее шевеление наблюдалось только на входе в соседний отель, расположенном на порядочном удалении, к тому же частично закрытом подъездной аллеей. Мощная каменной плиткой площадь с противоположной стороны дороги, протянувшись вдоль бесконечного ларечного базара, своим огромным обезлюдившим пространством, навевала самое тягостное настроенье. Зато на дороге царило оживленье, которое, впрочем, мне сразу не понравилось.

Основную массу то и дело проезжающих по дороге машин, составляли грузовики вроде тех, что сейчас стояли возле нашего отеля. Да и тот факт, что двигались они в одном направлении, наводил на определенные выводы. Словно в подтверждение моих мыслей, от соседнего отеля отъехал один грузовик, направившись, как и все, в сторону окраины города, в то время как второй, видимо, еще не закончил разгрузку. Сообразить, что стоявшие у входа грузовики быстро привлекут внимание, особого ума не требовалось, поэтому, возвращаясь в фойе, я уже напряженно размышлял, куда их девать.

Татарин, как и я, предусмотрительно не проронивший на улице ни слова, стоило войти внутрь, представил полный отчет осмотра машин. Главное, что ключи ему удалось обнаружить

только в одной, да и то, судя по тому, что нашел он их в бардачке, они могли быть запасными. Однако я примерно догадывался, где следует искать следы ключей. А это значило, что хочешь, не хочешь, придется идти к Доктору.

Вначале, под грузом обиды в его адрес, я хотел уехать отгонять грузовики, не предупредив его, но почти сразу передумал, обвинив себя в ребячестве. Тем более что как выяснилось, без него сама экспедиция находится под большим вопросом. Впрочем, уходить из фойе я не торопился, занявшись решением первоочередных вопросов.

– А с теми, кто войдет, что делать собираетесь? – поставил я вполне закономерный вопрос всем находившимся там ряженым.

После недоуменного молчания, словно все было и так предельно понятно, один из наиболее авторитетных бойцов, с усмешкой оригинала изобразил жест Никулина, которым тот предлагал обойтись со старушкой-сторожем. В ответ, выдав ему звучную погремуху Юрик, я разъяснил, что для соблюдения конспирации, действительно, валить всех вошедших нужно тихо и быстро, вот только если будет возможность, постараться брать живьем. Дураков здесь не нашлось, и Юрик первым согласно мотнул головой, понимая резонность моих слов.

Как я и предполагал, ключи от обоих грузовиков отыскивались у Доктора. Прежде чем сформированная Доктором похоронная команда уносила убитых боевиков с глаз подальше, все группы тщательно обыскивались. И как показала жизнь не зря, ведь хотя подобное мародерство и выглядело мелочным, только иногда мелочей не бывает, и данная ситуация являлась лучшим тому подтверждением.

Вот только тот предложил не заморачиваться, а загнать грузовики в подсобный ангар, прилепившийся к торцу главного здания со стороны пустыря, где водовозы сливали воду для нужд отеля. Но, видя мой непреклонный взгляд, подкрепленный доводами о том, что ангар еще может понадобиться, да и не факт, что оба грузовика там поместятся, вынужден был отдать ключи. Зато, оставаясь верным своему правилу, что разделиться – самая большая ошибка, засобирался ехать со мной. Но ехать без соответствующего наряда я ему разрешать не собирался, раз уж сам он заблаговременно не заморочился этим вопросом. А тем более ждать, пока он будет наряжаться.

Воспользовавшись представившимся случаем, отомстив за его недавнее молчание на совете, для усиления эффекта я уже хотел покинуть расстроенного Доктора. Но был вынужден задержаться, чтобы договориться о приеме пленных, для которых следовало выбрать особо глухое помещение, желательно под землей. Бросив на меня взгляд, и догадавшись о сути моих намерений, Доктор понимающе кивнул.

Вылазка прошла довольно спокойно, да и куда гнать грузовики, я уже знал, благо хорошо изучил окрестности вокруг отеля. Позади линии ларьков и палаток, половину квартала занимало какое-то предприятие, состоящее из длинных однотипных строений не выше третьего этажа. Дальняя половина квартала представляла собой одну большую строительную площадку, где только половина зданий дотянулась до этого уровня.

Из предложенных вариантов я выбрал стройку, как менее обжитой объект, а потому малопривлекательный для всяких любопытствующих личностей. Тем более, зрительно я помнил, где находится въезд на территорию, так что удалось избежать лишних телодвижений по его поиску. Загнав грузовики вглубь строительной площадки, и тщательно спрятав, пройдя за опустевшими торговыми рядами, мы без происшествий вернулись в отель.

И, хотя отсутствовали не более часа, там уже произошло масса событий. Во-первых, следом после нашего отъезда, к отелю подвернул ехавший в сторону центра пикап с крупнокалиберным пулеметом. Вся его команда вошла в фойе отеля, где их принял Юрик со своей бандой ряженных, в точности выполнив мои инструкции. Ввиду массовости посещения, половину сразу поставив на ножи, а остальных в бесчувственном состоянии сдали Доктору. Вот тогда и

понадобился ангар, куда Доктор распорядился загнать трофейного джипа. После, со стороны отеля за пустырем пришли еще двое, и их взяли живьем обоих.

А во-вторых, в отеле, похоже, зрел переворот. Хотя, учитывая, что оружие имелось только у одной стороны конфликта – переворот, это громко сказано. А вот в качестве оппозиции правящей партии, данная часть обитателей отеля развернули широкомасштабную кампанию. Возглавлял движение некий лощеный гражданин, за свою розовощекость, и пухлозадость прозванный мною Румяный.

Понимая, что назревает полномасштабный вооруженный конфликт, нашлось немало личностей, кто вполне обоснованно не пожелал в этом участвовать. И теперь Румяный, как их представитель, требовал самим вступить в переговоры с боевиками, чтобы обсудить условия сдачи. Однако, после разговора со мной, где я обрисовал его ближайшие перспективы, он несколько подрастерял свой боевой настрой, по моему разрешению удалившись какой-то скованной деревянной походкой.

Избавив Доктора от столь щепетильной проблемы, я перешел к ситуации с пленниками. Тот вызвался проводить меня сам, по дороге рассказав историю, каким образом удалось найти переводчика. При захвате отеля, с местными боевиками не церемонились, расстреливая на месте, как прислужников неверных. Немногие уцелевшие покинули отель почти сразу, обеспокоенные судьбой близких и родных. Этого обнаружили, когда загоняли джип в насосную станцию, где он и прятался все это время. А так как родных у него здесь не имелось, то наивно полагая, что в отеле безопасней, он просто умолял Доктора разрешить ему остаться. На что тот, конечно, милостиво согласился, предупредив, что от него потребуется ответная услуга.

Если бы Хасан сразу знал, что от него потребуется, я думаю, он предпочел бы воздержаться от заключения этой сделки. А попав в мои руки, быстро понял, что “соскочить” уже не получится. Хотя, насколько ему нравится происходящее, меня интересовало меньше всего, главное чтоб в перерывах между обмороками переводил правильно, а сами обмороки не затягивались дольше, чем пока пленные проорутся от боли. Ассистировал мне невозмутимый Фара, в то время как Костер с Татаринцом предпочитали держаться в стороне, унося тела, и доставляя очередную жертву.

Да и Доктор ушел почти сразу, сославшись на занятость. Ну а как с ними иначе, если он только и знает, что свое “Аллах Акбар”, слушать ничего не хочет, да еще и жесты неприличные в твой адрес делает. После первого отрубленного пальца, фанатичный пыл слетал с каждого, а после второго, максимум третьего появлялось желание вести конструктивный диалог. Чтобы убедиться в искренности слов боевиков, вполне хватало оставшихся пальцев, после чего отработанный материал отправлялся в братскую могилу.

Несмотря на радикальность примененных методов, результаты допроса меня разочаровали. Видимо, и сами толком не зная, что происходит не только в стране, но и в самом городе, допрашиваемые давали самые противоречивые показания, основанные на слухах и предположениях. А потому выяснить достоверную картину происходящего мне так и не удалось. По утверждениям одних выходило, что уже захвачена не только большая часть Египта, но и сама столица.

Оставалось только непонятно, как террористы умудрились совершить подобное менее чем за сутки. А потому слова других, что Каир находится в осаде, и бои за него еще только ведутся, воспринимались с большим доверием, как бы ни хотелось вообще признавать подобную вероятность. Вопросом, как что-то подобное стало возможно в принципе, я предпочитал не заморачиваться. Хотя, особо удивляться здесь было нечему.

Вопреки общему представлению, что Египет спокойный мультикультурный регион, свободный от радикального исламизма, ситуация обстояла не столь безмятежно. Конечно, баз подготовки боевиков, как в Турции, здесь возможно и нет. Однако, огромное количество мед-

ресе и высших духовных университетов исламского толка, расположенных большей частью в столице, представляли собой куда более серьезную опасность.

Да и тот факт, что еще менее года назад, в Египте у власти находилась крайне реакционная партия Братьев Мусульман, само по себе говорило о многом. Несложно догадаться, что после свержения президента – исламиста, его сторонники никуда не делись, и весь происходящий сейчас хаос был попросту невозможен без поддержки, оказанной боевикам на самом высоком уровне. Потому меня и не удивляли самоуверенные заявления допрашиваемых боевиков о полномасштабной интервенции Египта.

Из достоверной информации удалось выяснить лишь то, о чем я и сам догадывался. Для осуществления замысла по захвату Египта, лидерами ИГИЛ² была организована полномасштабная мобилизация всех любителей быстрого обогащения по всему Ближнему Востоку. Достаточно сказать, что каждому новобранцу в качестве одного только аванса выплачивалась невиданная для этого региона сумма в три тысячи долларов.

А потому от желающих не было отбоя, и образовавшееся войско представляло собой некий исламский Интернационал, где собрались представители совершенно разных, порой воюющих между собой государств. Причем, проходя подготовку, каждая группа не ограничивалась отработкой одних общевоинских навыков. Основной упор делался на выполнении определенных задач, как захват конкретного отеля. Само собой, подобные подразделения усиливались ветеранами, уже имевшими боевой опыт.

Однако их катастрофически не хватало, ведь кому-то предстояло штурмовать еще и административные центры, которые охранялись регулярными войсками и полицией. Вот между ними сейчас и шел бой на окраине города, в то время как воевать с безоружными туристами и подавлять беспорядки среди мирных жителей выпало на долю новичков.

Покончив с допросом, я вышел из выделенного Доктором подвальчика, и нисколько не смущаясь плохо оттертых от крови рук, с удовольствием закурил.

– Плохо все? – констатировал подошедший Доктор по одному лишь моему мрачному виду.

– Ты даже не представляешь как, – ответил я.

– По крайней мере, помощи от местных можно точно не ждать, их сейчас больше собственная судьба беспокоит. Ну а когда сверхдержавы раскачаются – неизвестно, учитывая, что в случае их вмешательства террористы грозятся вырезать всех их граждан, находящихся в плену. Вот и спрашивается, кого вы здесь дожидаться собрались, доброго волшебника Шойгу, в голубом вертолете МЧС? – возможно, излишне жестко закончил я, выбросив окурок в урну.

Судя по подавленному настроению Доктора, становилось понятно, что он и сам давно со мной согласился, вот только изменить что-то был уже не в силах. А когда это дойдет до наших менее сообразительных соотечественников, будет уже поздно, и их усилия по организации обороны отеля позволят лишь на незначительный срок оттянуть неизбежный конец.

Впрочем, осознание этого факта не помешало мне принять самое активное участие в подготовке к предстоящим боям. Вот только на строительстве позиций народу и без меня хватало, а потому я предложил Доктору заняться изготовлением боеприпасов из подручных средств. И если производить патроны в наших условиях было проблематично, то изготовить “коктейль Молотова” особого труда составить не должно.

Сообразив, что мое предложение имеет определенный здравый смысл, среди армии добровольных помощников он быстро выявил двоих, имевших близкое отношение к химии, придав им мне в помощь. Основные ингредиенты – бензин и соляра нашлись быстро. Дизтопливом заправлялась прогулочная яхта отеля, а бензин держали для резервного электрогенератора.

---

² Запрещенная в России организация

Только его пришлось оставить, так как электричество пропало в самом начале нападения, а запас бензина был ограничен.

Вот здесь игодились профессиональные навыки прикомандированных химиков, которые должны были найти замену бензину, отвечавшему в коктейле за разжигание полученной смеси. Для этого нами были обшарены все кладовые, где могли иметься легковоспламеняющиеся жидкости. Среди имевшихся в отеле образцов бытовой химии, необходимых ингредиентов удалось найти более чем достаточно, после чего мы приступили к изготовлению самих снарядов.

Но и в этом, казалось бы, несложном процессе нашлось место современным технологиям. О том, что теперь в коктейль Молотова принято добавлять пенопластовую крошку, я слышал и раньше. Но наблюдая, какую адскую смесь готовили внешне абсолютно миролюбивые химики, отстраненно рассуждая о потенциальных свойствах добавляемых ингредиентов, меня посетило противоречивое чувство. Почему-то припомнились создатели атомной бомбы, вероятней всего тоже милейшие люди, уверенные, что результат их работы способен сделать мир лучше и справедливей.

Для того чтобы разлить получившуюся в результате смесь, нам пришлось нанести сокрушительный удар по запасам спиртного в барах. Выбирая бутылки с наибольшей вместимостью, и сливая их содержимое прямо на землю. Оставив всю свою сводную команду трудиться над запалами, я решил составить компанию Доктору, отправившемуся с инспекционной проверкой в подготовленные к обороне корпуса отеля.

Следовало признать, что работами здесь руководили далеко не дилетанты, что можно было заключить по их пояснениям относительно секторов стрельбы, и распределения зон ответственности. Сумев уловить самую суть объяснений, я незаметно маякнул Доктору, давая понять, что нам здесь делать нечего. Ну а завершающим этапом нашей инспекции стала крыша основного здания, со времени моего прошлого посещения перенесшая несколько кардинальных изменений.

Теперь с каждой стороны здесь имелось по одному наблюдательному пункту, замаскированные под нагромождение самого разнообразного хлама. От центрального выхода на крышу к НП вели два прохода из поставленных на ребро матрасов, позволявших пробраться к ним, не рискуя быть обнаруженным с крыш соседних отелей.

Доктор, успевший обзавестись модным пиксельным камуфляжем западного образца, какие обычно имелись лишь у командного звена боевиков, задумчиво сопел рядом, обозревая окрестности. Пожаров меньше не стало, скорее наоборот, разрастались, они марали столбами жирного дыма безоблачную синеву неба. Стрельба, как на окраине, где вели бой регулярные силы, так и в жилых кварталах, где боевикам противостояли местные жители, стихать похоже не собиралась.

– У тебя прокатиться нет желания? – переборов свое ворчливое настроение, обратился я к Доктору.

– Ты еще не накатался? – ответил тот, сразу угадав смысл моего вопроса, и намекая на недавний рейд по избавлению от грузовиков.

– Не говори ерунды, дольше машины прятали. А здесь на джипе, да с пулеметом, – продолжал искушать Доктора я, уже уверенный в его ответе.

В том, что место за рулем займет именно Доктор, я ни секунды не сомневался. И признавая его уникальные водительские способности, возражать в мои планы не входило. Скорее наоборот, так я был уверен, что в случае возникновения внештатной ситуации, он отреагирует моментально, почему и тащил его с собой. К тому же за последнее время забот у него здорово поубавилось, а возникающие организационные вопросы могли быть решены и без него.

Куда мы направляемся, и что самое главное – зачем, пожалуй, я и сам не мог ответить. Благо, никто сразу не догадался скрутить пулемет с джипа. А потому столь ощутимый аргу-

мент, словно прикрывая пассажиров своими внушительными габаритами, значительно прибавлял уверенности в благополучном возвращении. Занять место за пулеметом вызвался дядя Коля, столь уверенно принявший от меня его меньшего собрата в первом корпусе. С привычной фразой: “Пулемет, он и в Африке пулемет”, он довольно быстро освоился с новой конструкцией, и принципом ведения стрельбы.

Находясь на крыше, казалось, что солнце стоит высоко, но выезжая из ангара на уровне дороги, стало заметно, что солнце уже начало свой путь к закату. Басовито урча, джип уверенно нес всю нашу компанию в противоположную от центра часть города, направляясь в район окраин. В кабине находились только мы с Доктором. Костер, Фара и Татарин, замотавшись в арафатки по брови, что здесь было вполне уместно, сами вызвались ехать в кузове, составив компанию дяде Коле, или Колуну, как я окрестил нашего пулеметчика. Тот, тоже благообразно не рвался отсвечивать за пулеметом, сидя вместе со всеми в кузове.

Исход разведки оказался предсказуем, хотя, каждый раз натываясь на блокпосты, я направлял Доктора по новой дороге. Следовало признать – дорожная сеть перекрыта наглухо, и прорваться на технике нечего и думать. Ну а искать саму технику, чтобы бросить ее после того как доедем до конца одного из тупиковых направлений, а дальше пойдем пешком, нечего было и заморачиваться. Проще перевезти всех на имевшихся грузовиках в несколько ходок, да и пойдут наверняка не все. Я твердо решил уходить сегодня ночью, и теперь, благодаря авторитету Доктора, да и тому, что у всех было время подумать, надеялся получить поддержку большинства. Ну а такие личности, как Румяный, если хотят, могут оставаться, неволять я никого не собирался.

Вот только без возможности протаскать технику, подобный план был изначально обречен на провал. Если большинство и сможет идти достаточно долго, то для раненых, стариков и детей был необходим транспорт. Но так и не найдя ни малейшей лазейки, я уже был готов свернуть поиски, согласившись с Доктором, что пора возвращаться в отель. Продолжая бессознательно биться над решением своей задачи, я облек ее в форму, где можно найти такого экскурсовода, чтоб устроил экскурсию за город, да еще и решил вопрос с транспортом. Стоило выстроиться такой ассоциации, как у меня возник образ конкретной личности.

– Давай назад, только по дороге к Тито заскочим, – обратился я к Доктору, привычно отреагировавшему к изменению плана.

По свойски, как это теперь было принято, Доктор свернул с дороги, подъехав к офису Тито прямо по каменной брусчатке пешеходной зоны. Вполне ожидаемо, что ни в офисе Тито, ни в ларьках поблизости, обнаружить никого не удалось. Не став даже глушить машину, Доктор вышел вместе со мной из машины, пока я ходил дернуть дверь, чтобы окончательно убедиться. Весь отряд также вывалил из кузова джипа размять ноги, но держались в основном ближе к машине. Уже направляясь назад, я даже не увидел, а скорее почувствовал движение рядом с офисом Тито, где находился небольшой торговый закуток.

– Сибиряки, это вы? – послышался вдруг оттуда голос Тито.

– Мы, Тито, кто же еще, – ответил я, еще не повернувшись.

В глубине двора, образованного тремя смотрящими друг на друга мануфактурными магазинчиками, среди оставленного на витринах товара, как всегда основательно задрапированную фигуру Тито удалось обнаружить не сразу. Загнав джип внутрь двора, чтоб не отсвечивал, мы удалились вглубь обжитых Тито магазинов, где смогли, наконец, поговорить спокойно.

Во многом рассказ Тито лишь подтвердил уже имевшуюся у меня информацию. Достоверно известно оставалось только то, что Каир террористам захватить пока не удалось, в отличие от большей части Египта, где противник практически не встретил организованного сопротивления. В городе дела обстояли не менее “тухло”. Места здесь беспокойные, а потому структура самообороны в том или ином виде присутствует повсеместно. Они и оказы-

вали сопротивление боевикам в жилых кварталах, отправив своих малолетних отпрысков под команду Тито, являвшегося для тех непререкаемым авторитетом.

На мой вопрос о способе выбраться из города Тито не смог ответить ничего определенного, не говоря уже о возможности покинуть город на машине. Как он утверждал, подобный замысел пришел в голову не одному мне, а потому поиски возможной лазейки уже велись. Но учитывая, что скоро ночь, а в темноте вероятность напороться на засаду намного выше, делалось это с максимальной осторожностью. Поэтому, по мнению Тито, ждать достоверной информации раньше утра не следовало.

Ну и надо полагать, что сами они здесь явно не отсиживались, о чем Тито не преминул гордо сообщить. На их счету уже имелось около десятка боевиков, неосмотрительно решивших помародерствовать в одиночку. Впрочем, и не только, потому как Тито не упустил возможности похвастаться таким же, как у нас пикапом, который они спрятали неподалеку. Да, ребята время даром не теряли, и по ходу рассказа, я внимательно рассматривал малолетнее воинство Тито.

Из всех восьмерых старше двенадцати лет выглядели только половина команды, а потому обращение “пацаны” подходило им больше всего. Двоим было откровенно не больше десяти, что становилось особо очевидно на фоне необычно крупных калашей, столь неуместно выглядывших в их руках. Причем, такими монстрами обладали все члены команды Тито, хотя, учитывая, что трофеев у них должно хватать, могли позволить мелким взять калаша калибра 5.45.

– Не тяжело твоим малым с такой карманной артиллерией справляться? – не став затягивать с прелюдией, спросил я Тито напрямик. – Откуда стволы такие раритетные?

– Старые запасы, – хитро усмехнулся Тито, и еще более хитро добавил: – А ты, с какой целью интересуешься?

– Да я бы и сам от такого не отказался, – не став кружить, напрямую ответил я.

Легендарный автомат Калашникова АК 47, калибра 7.62. Уникальное оружие не только для своего времени, а оставшееся актуальным до сих пор, благодаря своей способности пробить практически любой бронезилет. Какого рожна его вообще в армии поменяли на эту трещотку 5.45, непонятно. А учитывая размер средств, отпускаемых на нужды армии, вряд ли речь могла идти об экономии. Складывалось впечатление, что это была преднамеренная диверсия в верхах, многократно снизившая наш боевой потенциал.

Бросив взгляд на Доктора, незаметно я показал ему жест, потерев подушечки большого и указательного пальцев. Утвердительно качнув головой, он выразительно коснулся порядком оттянутого внутреннего кармана своего камуфляжа. Непосредственно перед операцией боевики получили аванс, и потратить, либо отправить родным успели немногие. Учитывая, что все трофеи стекались к Доктору, еще в отеле он сообщил мне, что в своеобразном “общаке” уже скопилось не меньше ста пятидесяти тысяч долларов.

На предложение поменяться с доплатой, либо купить стволы у самых маленьких членов его банды, Тито отреагировал неожиданно. Нам с Доктором он согласился подарить по автомату бесплатно из тех, что осталось в запасе, а с молодыми предложил договариваться самим, в целом не возражая, и готовый выступить в роли переводчика. Впрочем, торговли, в привычном здесь понимании не получилось. После того, как Доктор достал из внутреннего кармана “котлету” из зеленых стодолларовых бумажек, разломив пополам, протянул молодым. В каждой пачке, навскидку, находилось тысяч по пять долларов, а потому на наш вопрос, нужно ли добавлять еще и наши стволы, вызвал у парней, никогда не державших в руках подобных денег, лишь нервный смешок.

Как я и предполагал, оружия у них и без нас было достаточно. Так, что всем счастливым обладателям нового ствола, удалось сохранить и старый ствол. Что при ограниченном боезапасе к АК-47, являлось немаловажно, потому как особым изобилием оружия мы пока похвастать не могли. Хотя основная проблема с боеприпасами к “Сорок Седьмому” заключа-

лась не в самих патронах, которыми Тито щедро поделился рассыпухой, а в наличии всего двух запасных магазинов на каждый автомат. Ведь на собственном опыте мы успели убедиться, что во время боя не всегда может найтись время заниматься их снаряжением.

Нашлось у них и парочка трофейных раций, благодаря чему мы могли установить контакт на определенной частоте. Покидали Тито, когда солнце, предвещая скорый закат, уже коснулось крыш немногочисленных многоэтажных зданий. Учитывая, что от офиса Тито до отеля и пешком не так далеко, добрались, не успев и оглянуться. Вот только еще издали стало понятно, что возле нашего отеля царит нездоровое оживление.

Сомневаться не приходилось – за время нашего отсутствия наши успели “спалиться”, либо как-то иначе засветиться перед боевиками. В чем мы смогли убедиться, связавшись с ними по рации. Впрочем, все к тому и шло. Почти все допрашиваемые убеждали, что их будут искать, и больше чем в половине случаев это вполне могло оказаться правдой. Выбрав среди торговых мест небольшой переулок, откуда не светясь можно было наблюдать за происходящим у отеля, я указал на него Доктору. Из-за царившей на улице суеты наше появление в глухом тылу, противником было полностью проигнорировано, в результате чего нам удалось продолжить скрытое наблюдение.

Судя по всему, раскрыли уже давно, возможно, сразу после нашего отъезда. Иначе откуда взялось не только два броневедомоги, стоявших чуть поодаль от отеля с каждой стороны, но и довольно приличное скопление боевиков, копошившихся под их защитой у края дороги. Судя по их действиям, становилось понятно, что боевики готовились к штурму, на что указывало еще одно немаловажное обстоятельство. Закат стремительно приближался, и если не захватить отель до темноты, сделать это ночью будет намного сложнее.

К тому же противник не знал, с какими силами ему предстоит столкнуться, а потому за двинувшимися к входу с обеих сторон дороги бронемашинами, последовало не более полусотни боевиков. На что рассчитывал противник, оставалось только догадываться. Возможно, они собирались захватить только главный корпус, обеспечив себе плацдарм на территории отеля до темноты, откуда смогут действовать с ее наступлением. В любом случае, главная атака началась именно на этом направлении, и быстро просчитав выгоду нашей позиции, связавшись с отелем, я предупредил их о наших намерениях.

Подпускать бронемшины близко к входу, где впоследствии они могут быть использованы как укрытие, я не собирался. Из отеля по приближающимся броневикам открыли нестройную стрельбу. Вследствие чего двигавшаяся позади пехота скучковалась за броневиками еще плотнее. А сами броневики открыли по демаскировавшим себя огневым точкам стрельбу из крупнокалиберных пулеметов. В эффективности подобного огня следовало еще разобраться, но определенный психологический эффект такой ход имел. Громыкнув несколькими полновесными очередями с двух сторон, грохот выстрелов заполнил все пространство улицы, буквально ударив по ушам.

Все внимание оказалось приковано к происходящему на поле боя, потому наше появление позади одной из групп наступавших, если кем и было замечено, то воспринялось, возможно, как подход подкрепления. Основные этапы предстоящего турне по тылам врага мы уже разместили по контрольным точкам, где Доктор будет останавливаться, чтобы дать возможность Колуну вести прицельный огонь. При одном взгляде на монстра, являвшегося главным украшением нашей “тачанки”, не возникало и тени сомнения, что его снаряды способны пробить защиту бронемашин, тем более с самой уязвимой ее стороны.

Располагавшийся ближе к нам мутант из навешанных дополнительных броневых пластин, явно прослеживал свою американскую родословную. На что указывали квадратные, словно топором рубленые формы, и открытое сзади место стрелка. Потому Колун не стал на него отвлекаться, и его почти сразу снял кто-то из бойцов, сидевших в кузове.

Стоило машине остановиться точно позади броневика, имея между собой всю массу следовавших за ним боевиков, Колун открыл огонь, а следом и все сидящие в кузове. Но даже на фоне общего грохота четырех стволов, грозное гавканье крупнокалиберного пулемета, уверенно перекрывало общую какофонию, оставляя и наглядное доказательство своей эффективности.

Прорывая рваные пробоины в заднем борту броневика, его снаряды справлялись, даже пройдя через ряды боевиков, оказавшихся на пути. Однако наибольшее впечатление оставляли редкие рикошеты, когда даже не пуля, а скорее кусок лома, встретив на своем пути бронированный участок под достаточно острым углом, заставляя непроизвольно пригнуться, с жутким воем уносился в сторону.

Под шквальным огнем, открытым из кузова со всех стволов, следовавшая за броневиком группа ваххабитов численностью не менее тридцати человек, оказались уничтожены в считанные секунды. После первых же пробоин, нанесенных из пулемета по корме броневика, тот остановился, и не успели полечь все следовавшие за ним боевики, как из-под днища машины взметнулись первые языки ленивого пламени.

В исходе этой схватки я и не сомневался, для себя выбрав особую миссию, потому как о подобных вещах забывать нельзя. Со стороны второго броневика, для части укрывшихся за ним боевиков происходящее просматривалось как на ладони, поэтому не позволить им вмешаться, и являлось моей основной задачей. По отношению к ним Доктор поставил машину немного боком, причем не моим, что значительно усложняло задачу. Но, открыв дверь, и высунувшись наружу, чтобы стойка стекла не загораживала обзор, я обнаружил невероятно удобную позицию, в образовавшейся развилке двери и стойки, позволившей уверенно зафиксировать автомат.

После первых выстрелов возникло впечатление, что я не зря так готовился. По сравнению со своим предшественником, Соток Седьмой повел стволом в разы сильнее, но основным доказательством его мощи послужили потери, понесенные в рядах противника. Его останавливающая сила просто поражала, после первого же попадания, закручивая жертву, и стремительно отбрасывая с прежней траектории. Оставалось только порадоваться, что автомат оказался неплохо пристрелян. Так что, когда боевики сообразили, что оставаться в зоне видимости нашей машины небезопасно, и успели укрыться, на асфальте осталось лежать не менее пяти тел.

Стронув машину с места довольно мягко, однако, стремительно разгоняясь, Доктор начал удаляться от горящего броневика, меняя позицию. Во время начала движения, вновь занимая свое место в кабине, я заметил, что краем глаза он что-то внимательно отслеживает. Это оказался ствол скорострельной пушки второго броневика, торчавшей из башенки наверху, начавшей разворачиваться от главного здания, в нашу сторону. Но пока пушка безнадежно запаздывала от уверенно закруживавшего ее Доктора, стоило нам продвинуться вперед, как мы оказались открыты для загнанных мною за броневик боевиков.

Которые, конечно, тут же открыли по нам яростный огонь, впрочем, как и бойцы в кузове джипа, не пропустившие появление противника. Завершающим аккордом этой стычки прозвучало грозное гавканье крупнокалиберного пулемета в кузове нашего джипа. Проложившего курсор пробоин вдоль борта броневика, и в завершении хлестнув по рядам засевших за ним боевиков. Уходя от упорно преследовавшего нас ствола пушки в верхней башне, Доктор продолжал движение вокруг броневика.

Несмотря на то, что боевиков удалось опрокинуть довольно быстро, пара очередей все же хлестнули по лобовому стеклу джипа, заставив нас с Доктором непроизвольно пригнуться. Все стекло покрылось сетью мелких трещин, став практически непроницаемым для взгляда. Хотя Доктора, похоже, это беспокоило мало. Ориентируясь по положению броневика, которого тот прекрасно видел в боковое окно, он уверенно продолжал закручивать вокруг него спираль.

Логическим окончанием боя стал грохот пулемета, длинной очередью перечеркнувший не только всю корму бронемашин, но продолжая стрелять из двигавшегося по кругу джипа, захватив еще неповрежденный бок. Вой рикошетов вновь огласил окрестности, хотя большей части снарядов удалось пробить броню, войдя даже под столь острым углом. После повреждений, полученных после первой очереди, броневик почти сразу остановился, а после второй, вспоровшей его, как консервным ножом, пытавшаяся захватить нас в прицел пушка замерла, да и сама заглохшая машина уже не подавала признаков жизни.

Приложившись пару раз прикладом, я проделал в лобовом стекле небольшое отверстие напротив водительского места. Что позволило Доктору хоть как-то видеть дорогу впереди машины. Этой маленькой амбразушкой ему вполне хватило, чтобы доехать до находившегося в нескольких десятках метров отеля. Стоило нам приблизиться, как обе створки подсобного ангара синхронно распахнулись, после чего немедленно захлопнулись, стоило джипу оказаться внутри.

Посреди воцарившегося в ангаре возбужденного оживленья выпрыгивавших из кузова бойцов, находящихся под впечатлением от одержанной победы, я один оставался неуместно хмурым. Да и чему собственно радоваться? Я только что добровольно вошел в ловушку, сам захлопнув за собой дверь. Конечно, сделав это осмысленно, не строя ложных иллюзий относительно последствий подобного шага. А потому и не торопился праздновать победу, прекрасно понимая, насколько может быть переменчива сопутствующая нам удача.

Глава 2

Как я и предполагал, в течение ночи противник не предпринял ни одной попытки нападения. Учитывая, каким образом мы организовали освещение, запитав от имевшегося в отеле резервного генератора. Конечно, можно было просто зажечь уличные фонари. Но предвидя, что долгая жизнь им не светит, так как по такой мишени стрелять одно удовольствие, я предложил сводной команде электриков установить собственные светильники. Только разместить их внутри помещений. Чтобы оставаясь недоступными для вражеского огня, наружу попадал только свет. Мое предложение вызвало всеобщее одобрение, потому как при таком раскладе, корпуса должны буквально провалиться в темноту, став недоступным для наблюдения.

Светильники я предложил снять с освещения внутреннего двора, и внутренней подсветки здания. И пока боевики развлекались, расстреливая включенные с наступлением темноты светильники уличного освещения, удалось смонтировать новую систему. В результате чего все подходы к отелю оказались залиты рассеянно-призрачным светом. Довольно быстро сообразив, что теперь стрельба не приносила прежних результатов, боевики прекратили бессмысленную пальбу, к тому же представлявшую собой прекрасный ориентир для наших снайперов.

Их оказалось двое – по количеству снайперских винтовок, обнаруженных в захваченном багаже боевиков. По тому, насколько одинаково уверенно они держали свое оружие, и за общую особенность держаться как можно незаметней, недолго думая, я окрестил их: “Первый” и “Второй”. Для людей, обладающих профессиональной привычкой оставаться в тени, подобный вариант оказался наиболее предпочтительным, и был воспринят с обоюдным согласием. Используя особенность освещения, позволявшего им находиться на любой точке, не рискуя быть обнаруженными, они очень быстро отучили боевиков появляться в зоне прямой видимости. Наглядно продемонстрировав это на примере тех, кому в голову пришла неудачная мысль пострелять по отелю.

Все это время на площадке под террасой не смолкали дебаты. Смысла своего присутствия там, я не находил никакого. Предпочитая заниматься усилением ограждений второго этажа, перед широкими окнами главного корпуса, выходящих на дорогу, вместе с другими, уже все для себя решившими бойцами. Я намеренно загружал себя работой, чтобы отвлечься от мрач-

ных предчувствий, посетивших меня после нашего триумфального возвращения. Нельзя грузить себя негативом, собственными пророчествами приближая накарканную собой же гибель.

Видимо в том и заключалась главная особенность моей психики. И пока я изматывал себя тасканием тротуарных плит на верхние этажи, в мозгу словно шестеренки, сами крутились мысли, размеренно перетекая из одной в другую, преобразуясь в самые замысловатые логические конструкции. Поэтому вскоре, обозначив оставшийся фронт работ, я покинул свою строительную команду, отправившись проверить одну интересную мысль. Спустившись вниз, я как раз застал момент произнесения Румяным пламенной речи, выражавшей позицию большей части туристов.

Если в двух словах, то собрались сдаваться, не желая гибнуть в цвете лет. Завуалировав это таким образом, что кто хочет, тот пусть воюет, а женщинам и детям здесь делать нечего. Поэтому все желающие должны иметь право выйти. Последнюю часть речи он произносил, поглядывая на меня с откровенной опаской, причем, совершенно напрасно. О чем не менее символично говорил мой миролюбивый тон, когда я выразил полное единство наших взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.